

Александр
Матюников

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРАХ

СПЕЦНАЗ

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

БОЙ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Грозные ворота

Александр Тамоников

Бой после победы

«ЭКСМО»

2006

Тамоников А. А.

Бой после победы / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2006 — (Грозовые ворота)

Николай Горшков – боец легендарной пятой роты, почти полностью погибшей в Чечне, на гражданке стал участковым. Так что для него война со всякой нечистью все еще продолжается. Да тут еще доносятся отголоски того самого, последнего боя. Мурза, брат главаря бандформирования, лично убитого в бою Николаем, взял в заложники покалеченного и беспомощного командира роты Доронина. Чеченец надеется поквитаться за брата, когда Горшков придет спасать бывшего ротного. Надежда бандита оправдалась – Николай за ротным пришел. Причем не один, а вместе с группой выживших бойцов пятой роты, которыми командует легендарный Шах. Значит, теперь бандитам Мурзы осталось только молиться...

© Тамоников А. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	29
Глава четвертая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Тамоников

Бой после победы

Глава первая

Железнодорожный экспресс «Москва – Переславль» прибыл на вокзал областного центра строго по расписанию, в 18.10. Из третьего вагона первым вышел Костя Ветров и тут же попал в объятия супруги. Лена заплакала, приговаривая:

– Вернулся! Как же мне, как же нам с сыном не хватало тебя! Костя!

Николай Горшков из тамбура, пропуская немногочисленных пассажиров экспресса, с удивлением наблюдал за встречей супругов. Его удивление объяснялось просто: Колян за все время, пока они добирались до областного центра, ни разу не видел, чтобы Костя воспользовался сотовым телефоном, а иначе предупредить супругу о дате и времени прибытия из «командировки» Ветров не мог. Но, получалось, Костя каким-то образом все же сумел связаться с Леной, и теперь они стояли на перроне, обнявшись, рассекая колонну пассажиров, выходявших из вагона.

Наконец они заметили Николая.

Лена, отстранившись от мужа, воскликнула:

– Коля! Что ж ты как чужой в стороне стоишь?

Горшков улыбнулся:

– Да вот люблюсь вашим счастьем и... завидую немного! Меня так встретить некому. Да и не так тоже некому!

Николай сошел на перрон. Лена поцеловала его в щеку:

– Сам же, Коля, виноват! Ведь столько рядом хороших, красивых девушек, давно бы женился. И сразу жизнь стала бы другой. Семья, она, когда по любви, самое главное в жизни.

Горшков не стал спорить, согласившись:

– Ты права, Лена, во всем права. И в том, что семья в жизни главное, и в том, что семейный человек мир воспринимает по-иному, нежели холостой. И даже в том, что девушек и женщин хороших, порядочных, красивых много, да вот только таких, как ты, мало! А мне других не надо! Попробовать, что ли, отбить тебя у Кости? Шучу! Да и не получится при всем желании.

Лена обняла мужа:

– Не получится, Коля!

Костя поднял сумку:

– Ну, что, к нам? По пути винца возьмем, отметим возвращение?!

Лена сказала:

– Ничего брать не надо! Стол уже накрыт!

Ветров взглянул на друга:

– Тогда на стоянку такси?

Николай кивнул:

– На стоянку! – И добавил: – Только, ребята, я к вам не поеду! И не выступайте! Не потому, что не хочу, а потому, что мешать вам не желаю. Молодые, соскучились друг по дружке, не до гостя вам.

Константин воскликнул:

– Да какой ты гость, Коля? Хорош, в самом деле, ломаться, да? Сначала Голь в Москве отвалил, дела у него, видишь ли, теперь ты мозги пудришь. Едем к нам, и никаких гвоздей!

Но Николай вновь отказался:

– Нет! В следующий раз заеду как-нибудь. Да хотя бы в ближайшее воскресенье. Вот тогда и погощу денька три, а сейчас ловим тачку, бросаєте меня на выездном посту ГАИ, и гуд бай, расстаемся! У меня в Кантарске дела!

Костя напомнил:

– Ты же в отпуске? Да и не время сейчас заниматься делами, тем более что доберешься ты до своего Кантарска не ранее девяти часов.

Николай поднял указательный палец правой руки:

– Это, Костик, смотря какие дела! Есть такие, что только ночью и делают!

Ветровы рассмеялись:

– Ах ты, хитрец! А прикидывался: такую, как Лена, еще не встретил. Так бы и сказал, что зазноба ждет!

– Считай, сказал!

Николай поднял свой баул, и Ветровы с Горшковым пошли в обход здания старого железнодорожного вокзала, к стоянке такси.

Машину наняли сразу, не выходя с перрона. Подошел пожилой мужчина, спросил:

– Куда едем?

Николай, как всегда, не мог обойтись без прикола, это у него было в крови, ответил:

– В Турцию! Отвезешь, отец?

Но и мужчина оказался с юмором:

– Отчего не отвезти? Денег на проезд хватит? Если хватит, поехали. Сам на иностранцев с удовольствием посмотрю. А то у нас полгорода, наверное, в эту Турцию мотается, кто за шмотками, кто за побрякушками разными, кто отдохнуть, на берегу моря поваляться! Я там не был. Так что плати, парень, в оба конца, и вперед!

Колян похлопал таксиста по плечу:

– В Турцию, отец, в другой раз смогаемся, а сейчас надо на выездной пост ГАИ, тот, что по трассе на Кантарск, потом по адресу, который молодая пара назовет, а потом меня в Кантарск подбросишь! Пойдет такой расклад?

– Отчего нет? У нас как сейчас? Клиент всегда прав. Желание клиента закон, только при чем здесь ГАИ? Милиционер, что ли?

– Угадал! Мент я, отец! Лейтенант!

– Так у меня сын тоже опером служит, в угро! Московского района! Капитана недавно получил! – не без гордости сказал водитель такси.

По дороге к дому Ветрова познакомились.

Таксист представился Иваном Сергеевичем, пояснив:

– Нас в семье четверо братьев было. А родился в деревне Копны, ее сейчас и на карте уже, наверное, нет, вымерла деревня-то. В глухомани, в лесу, стояла, в школу, помню, пешком верст десять ходили гуртом. Так вот братьев звали Петькой, Саней и Лехой! Меня же, как и остальных пацанов в деревне, Иваном нарекли. Почему поголовно так называли, не пойму! Мода, что ли, такая была?

Николай проговорил:

– У меня отец тоже Иван!

– Он не из наших краев?

– Нет, семенихинский!

Водитель взглянул на Коляна. О чем-то подумав, спросил:

– А как твоя фамилия, лейтенант? Горшков.

Колян удивился, как, впрочем, и Костя с Леной.

– Как догадался?

– Так от сына слышал, что участковый в этой самой Семенихе – Герой России, один такой мент на область, боец пятой роты, что в Чечне пять лет назад полегла. Значит, ты и есть Горшков?

– Горшков, Горшков! Не думал, что известностью пользуюсь!

– Да как же? О тебе, твоих товарищах по той роте в свое время и газеты писали, и по «ящику» передачи показывали. Мы еще тогда говорили, – смотри, и наш земляк в той бойне оказался. Не подвел!

Николай кивнул:

– Не подвел! В пятой роте, отец, и приданных ей взводах никто не подвел! Были, правда, несколько трусов, решивших к духам перемертвуться, так те своими головами за трусость расплатились. Кончили их моджахеды. Предательство оно и в Африке предательство!

– Да? Об этом не слышал!

– Ну и считай, что этого не было! Потому как все остальные стояли до конца!

– А ваш ротный на себя огонь артиллерии вызвал, правда?

– Правда!

– Да, вот не думал, что участника того боя в клиенты заполучу!

Николай усмехнулся:

– Так ты, отец, не одного участника заполучил, а двоих! Сзади второй сидит!

Таксист обернулся:

– Серьезно?

– Серьезней не бывает!

– Ты смотри! А я гляжу, вроде не родня вы, а как будто и не чужие! Заметно.

– А мы и есть не чужие! Мы роднее братьев!

– Понятно, раз через такое прошли! И как у вас сил хватило сутки оборону держать?

Ведь боевиков, как писали, тысячи было?

– Хватило! Злость помогла. И еще то, чего словами не передашь!

Таксист повторил:

– Понятно! Много ли пацанов уцелело? Извиняюсь, конечно, за вопрос!

Николай ответил:

– С ротным девять! Еще Шах! И все раненые!

– Шах? Что за Шах?

– Да какая разница, отец? Чечен один правильный!

– За наших стоял, что ли?

– За наших! Если бы не он, никого в живых не осталось бы!

– Вот как бывает! Чеченец, а за наших! Не все, выходит, они против нас были? – После непродолжительного молчания таксист неожиданно спросил: – погоди, лейтенант, ты сказал, что вас уцелело с ротным девять человек! Но ведь ротный и вызвал огонь на себя. Как он выжил-то?

– Выжил! Воскрес из мертвых, без ног и руки.

– А?! Ну, извини!

– Да что ты все извиняешься?

– Так неудобно! Мы, мужики здоровые, здесь деньгу сбивали, а пацаны в то время бой смертный принимали! Разве справедливо это? Если б тогда кто кликнул, пол-России на помощь пошло. Так ведь не кликнули! Обидно! Получается, бросили вас. А ведь у нас так никогда не было, чтоб своих бросали! Закон есть закон, сам погибай, а товарища выручай. На этом и воспитывали ранее!

Колян вдруг зло проговорил:

– В том-то и дело, что ранее. Сейчас все по-другому. И пять лет назад по-другому было! Но, прошу, отец, не будем об этом!

Таксист согласился:

– Не будем! Понимаю! Да и подъезжаем по адресу городскому.

Костя сказал:

– Вы нам, пожалуйста, Иван Сергеевич, возле магазина остановитесь. Немного пройдемся с женой.

– Какие проблемы? Возле магазина, так возле магазина. Только погодка для прогулок не совсем подходящая.

Минуту назад на улице заморосил дождь.

Константин ответил:

– Ничего! После «курорта», с которого мы вернулись, это самая лучшая на свете погода!

Такси остановилось возле магазина.

Костя спросил:

– Сколько с нас?

Иван Сергеевич улыбнулся:

– Идите, гуляйте, пока гуляется! А плата? Так у меня сегодня день благотворительности.

Константин возразил:

– Так не пойдет! Вы работаете...

Таксист не дал ему договорить:

– Сказал, идите – значит, идите! И счастья вам.

Ветров пожал плечами, и они с Леной вышли из салона. Водитель включил передачу, взглянул на Николая:

– В Кантарск, лейтенант?

– Тоже бесплатно?

Пожилой таксист серьезно взглянул на Горшкова:

– Ты считаешь, я могу взять с тебя деньги? Сам-то за тот бой плату просил?

– Ну ты сравнил!

– Сравнение, может, и неудачное, но, по моему разумению, не олигархам, не чиновникам, а вам Россия принадлежать должна. Таким, как ты, отстоявшим ее не щадя живота своего! А те, суки, кинули пацанов в бойню, а потом рожи сытые воротят, когда ребятам что требуется. И отговорка одна – мы вас туда не посылали. Так что о деньгах не говори, не надо! Не обижай!

Николай улыбнулся:

– Живет Россия, отец!

Таксист удивился:

– Ты к чему это?

– Да так! У тебя курить в машине можно?

– Кури! Только окно сильно не открывай. Так, чтобы дым вытягивало, а то просквозит, и в результате радикулит, мать его, прихватит. Удовольствие, доложу тебе, лейтенант, врагу не пожелаешь!

Николай закурил. Иван Сергеевич повел свою еще не старую «Волгу» по лабиринтам улиц города, выводя автомобиль на трассу, ведущую к райцентру Кантарск. Колян взглянул на часы. Стрелки показывали 19.15. Часам к девяти должны прибыть в пункт назначения. Выбросив окуроч, Николай задремал. Все же усталость последних дней, и в первую очередь психологическая, давала о себе знать.

Разбудил Коляна таксист на въезде в Кантарск:

– Лейтенант, подъем! Турция!

Николай открыл глаза:

– Турция, говоришь? Это хорошо!

– Куда дальше?

– В райотдел! Поезжай прямо, на втором перекрестке налево. Дальше покажу. Тут недалеко. – И, зевнув, добавил: – Здесь, в Кантарске, все недалеко!

Через пять минут остановились у здания милиции.

Николай спросил:

– Значит, отец, денег не возьмешь?

– Нет! На других, что в казино до утра кайфуют, доберу. Ты об этом не волнуйся!

– Тогда спасибо!

– Всего хорошего! Да возьми визитку! Будешь в городе, звони, обслужу!

Горшков положил карточку в карман:

– Позвоню! Бывай, отец!

Николай покинул салон, прошел в дежурную часть райотдела. «Волга», развернувшись, отправилась обратно в город.

В дежурке за пультом сидел старший лейтенант Канарейкин, что нес службу тогда, когда Николай доставил сюда свиту вице-губернатора, пойманного с поличным на браконьерстве и развращении не достигшей совершеннолетия Лизы Коноваленко, официантки дорожного кафе у Жохино. Сзади на топчане устроился старшина Степан Головкин.

Часы в дежурном помещении показывали 21.20.

Старший лейтенант, увидев сослуживца, удивился:

– Колян? Тебя каким ветром занесло сюда, да еще в это время?

Лейтенант ответил:

– Попутным, Саня! Я же в отпуске, вот на Канары летал отдохнуть среди экзотики малость.

Старший лейтенант недоверчиво взглянул на Горшкова:

– Бреешь ведь, Колян?

– Почему? Как Герою дали путевку. Фонд, как его, ветеранов локальных войн!

Канарейкин почесал затылок:

– Разве что как Герою и фонд? – И наклонился к Николаю: – Ну и как там, Коль?

– Ништяк! Море, солнце, пальмы и кругом полуголые бабы.

Физиономия дежурного расплылась в похотливой улыбке:

– Бабы полуголые, говоришь? И какие?

– Что значит, какие? Бабы они везде одинаковы! У всех поперек, а не вдоль.

– Это понятно, расы какой? Негритянки, наверное? Ни разу черную даже пальцем не тронул, а не прочь попробовать!

Николай закурил, хотя это было строго запрещено в дежурном помещении. Запрещено для всех, кроме своеговольного Коляна, не терпевшего ограничений собственной свободы:

– На Кипре, Саня, больше белых баб, но встречаются и негритянки, и метиски, последние красивые, фигуристые, страстные.

Подозрение вновь мелькнуло в глазах Канарейкина:

– Погоди, погоди, какой Кипр? Ты ж говорил, на Канарах отдыхал?

Но Николаю не просто было уличить в такой мелочи:

– На Канарах! Но туда тур через Кипр. Так что два дня пришлось провести на Кипре. А насчет Канар, так там баб всех мастей хватает! Я как раз с негритянкой, то ли с Камеруна, то ли с Алжира, не разобрался, базарила-то она по-французски, а я больше по-русски или по-матерному, закружил. Тоже, как метиска, стройная, фигура – куда там нашим Машкам!

Канарейкин поверил:

– Спал с ней?

– С Джулией, что ли?

– А ее Джулией звали?

– Да! Конечно, спал. Три ночи провели вместе!

Дежурный сглотнул слюну:

– Ну и как, Колян?

– Что как?

– Да не придуривайся ты, ведь въезжаешь, о чем спрашиваю!

Интерес к разговору проявил и старшина, пересевший к пульту.

Николай похлопал старшего лейтенанта по плечу:

– Тебе, Саня, этого не понять!

– Почему-то?

– Это испробовать надо!

– Колян, мозги не крути, а? Ну чего цену набиваешь?

Горшков вздохнул:

– Ладно! Короче, с негритянкой спать – это тебе не халам-балам! Страстные до невозможности. И ненасытные. Три ночи глаз не сомкнул. Вроде сделали дело, отдохнуть можно, куда там! Через минуту опять лезет. И такие фортели выкидывает, не придумаешь. А главное, Сань, необычно, непривычно. Да еще при свете!

– А что, свет вырубить нельзя?

– Можно, только как ты ее, черную, в темноте найдешь?

– А-а?! Это да! Короче, повезло тебе, Колян! Будет что вспомнить!

– Мне и без негритянок всегда есть что вспомнить, это ты, похоже, прописался в дежурке.

Как ни появлюсь в райотделе, так тебя и вижу! Жена еще из дома не поперла?

Старший лейтенант откинулся на спинку стула:

– Прописался?! Да ты в отдел когда последний раз наведывался? Когда браконьеров со шлюхой доставил? За это время сколько нарядов сменилось? Так что я, в отличие от тебя, по графику службу тяну! Бывают, конечно, замены, не без этого, но редко, и потом, все одно выходной!

Николай согласился:

– Да, служба у тебя не особо пыльная!

– Не жалуюсь!

– Еще бы жаловаться! Вот только негритянку ты никогда не трахнешь, если только на пенсии, но тогда тебе будет не до экзотики!

Дежурный махнул рукой:

– Да и черт с ней. Чему не быть, тому не быть. Мы и в Кантарске, если надо, расслабимся. А ты что, прямо в камуфляже на курорт ездил, что ли?

Только сейчас до Канарейкина дошло, что Николай одет в армейский камуфляж и имеет при себе десантную сумку. Николай рассмеялся, а старший лейтенант сплюнул в урну:

– Вот, сучок, сбредал! А я поверил. И что ты за человек, Колян?

– Ты сразу врубиться не мог?

– С тобой врубишься! Так чего заявился?

– Вместо меня в Семенихе сейчас кто работает?

Канарейкин указал на соседа:

– Да вон, Степан участок блюдет!

– Ясно! – Горшков повернулся к старшине: – Ну и как на деревне?

Головко пожал плечами:

– Да как там может быть? Тишина. Никаких ЧП.

– А ты там часто появляешься?

– Каждый день! Новый начальник за дисциплину серьезно взялся. Это Захарченко слабину нет-нет да и давал, а новый... ты что! Да это и понятно. Молодой, показать себя хочет!

Николай удивленно расширил глаза:

– Ты это о чем?

– Не о чем, а о ком! Сняли нашего Захарченко. Позавчера приказ пришел. Предложили замом, он отказался, подал рапорт на увольнение, тем более выслуга для пенсии у него есть! Короче, решил наш Палыч завязать со службой!

– Но... почему?

– А кто знает? Так начальство решило. Приказ новый начальник привез. Да ты его знаешь, он в соседнем районе заместителем был, майор Лушин Семен Григорьевич. Говорят, представлять должен был сам генерал Башмаков, но тот не появился пока. Может, завтра объявится!

Лейтенант задумался. Что вызвало снятие Захарченко с должности? Уж не случай ли с вице-губернатором? Вслух спросил:

– А кто у нас дело по браконьерам и Коноваленко ведет?

Ответил дежурный:

– Никто! Забрали дело в Переславль.

– Как это забрали?

– Ну ты что, Колян, не знаешь, как это делается? Приказали документы передать, наши и передали. А потом и приказ на Захарченко пришел!

Колян протянул:

– Так-так! Новость хреновая! Ну, ладно!

Канарейкин спросил:

– Тебя, может, до Семенихи подкинуть? Степану все равно делать нечего, а так обстановку посмотрит.

Николай отказался:

– Да нет, Саня, домой утром поеду. Вот часов в семь машина не помешает!

– Сделаем! Если что, на своей и поедешь, Головка подкинет, сам потом попуткой вернется.

– Лады! Спокойной службы! Пошел я!

– Давай, турист! Это ж надо, на Канарах негритянку трахал?! И пел-то как складно! Даже имя с ходу придумал. Джулия. Я бы сразу не додумался.

Зазвонил телефон. Канарейкин взял трубку и ответил:

– Милиция!..

Продолжения телефонного разговора Горшков не слышал, так как вышел из здания РОВД. Немного подумав, резко повернулся и пошел по темной улочке к пристани, второй дом от которой справа принадлежал подполковнику Захарченко.

Бывший начальник РОВД открыл дверь сам. Удивился, увидев лейтенанта:

– Горшков? Ты?

– Добрый вечер, Дмитрий Павлович!

– Добрый! Да ты проходи, раз пришел!

Захарченко проводил гостя в прихожую. Оттуда прошли на кухню. Здесь можно и выпить и перекурить. Супруга подполковника в гостиной смотрела телевизор. Она вышла, поздоровалась с Николаем и предложила накрыть стол. Захарченко заверил жену, что справится со всем сам. Ольга Владимировна, извинившись, вернулась к телевизору.

На кухне Захарченко спросил:

– Узнал уже о моем снятии?

– Узнал!

– Поэтому и пришел?

– Если честно, то да! Хочу понять, за что вас отстранили от должности?

– Ну, если хочешь, узнаешь, тем более тебя это тоже касается. Возможно, в большей степени, чем меня!

– Даже так?

– Даже так, Коля! Но погоди с разговором. Перекури пока, я стол накрою. С утра выпить хотел, да не с кем было, а один не пью. Надеюсь, составишь компанию?

Николай кивнул:

– Выпьем!

Подполковник достал из холодильника семисотграммовую бутылку водки, соленых огурцов, помидоров, нарезал сало и хлеб. Затем Захарченко свернул с бутылки пробку, наполнил вместительные, граммов по сто двадцать, рюмки:

– Давай, Коля, без тоста, просто так!

Выпили, закусили слегка, тут же закурили. Подполковник открыл форточку, чтобы вытягивало дым. Николай спросил:

– Так что произошло за время моего отсутствия? Почему забрали у нас дело о браконьерах и шлюхе? И что, в конце концов, означает то, что вас сместили с должности?

– Ты помнишь мой разговор с генералом, когда приволок в отдел свиту господина Комарова – вице-губернатора области?

– Помню, и что?

– А то, что я был уверен, губернатор за эти дела своего заместителя по головке не погладит, а заставит ответить по закону! Но произошло неожиданное. Ты Комарова зацепил в субботу?

Николай подтвердил:

– В субботу. Точнее, утром в воскресенье раскрутил его шалман!

– Вот. И в эту же ночь у нашего губернатора, Эдуарда Максимовича Водолеева, случился инфаркт. Говорят, еле откачали. Сдало сердце генерала. Да и немудрено, Афган, Чечню прошел, армией командовал. Не старый еще, мог и в области порядок должный навести, а сердечко подвело! Понятно, что ему не до дел областных. А Комаров, по закону вступив в должность главы Администрации региона, быстренько позаботился, чтобы дело по браконьерству и растлению несовершеннолетней прикрыть. Тем более все возможности для этого у него появились. Что он и делает. Использует начальника УВД Башмакова и прокурора области, своих корешей. Генерал присылает следователя, тот изымает протоколы и дело, объяснив, что вице-губернатором займется область. И, как понимаешь, все заминают в Переславле. Нет показаний людей Комарова, Гусакова, Сумова, Бейрозы, нет показаний Елизаветы Сергеевны Коноваленко, нет результатов экспертизы, нет никакого дела! Все исчезло. Даже наш журнал регистрации происшествий прокуратура изъяла. Сейчас в дежурке новый! И все это без официальных распоряжений. Так сказать, устными командами провернули. Я, естественно, на дыбы, а мне приказ на стол. Освободить, мол, от занимаемой должности как не справляющегося с возложенными обязанностями. Вместо меня назначен майор Лушин, прихвостень Башмакова, а мне предложена должность заместителя, я отказался и подал рапорт об увольнении. Слава богу, на пенсию какую-никакую заработал. И идут они все к черту! – Захарченко вновь наполнил рюмки: – Давай, за скорый мой дембель!

Николай проговорил:

– Может, не стоит торопиться? Отойдет Водолеев, вернется к исполнению служебных обязанностей. Тут-то я и подниму шум вокруг Комарова, у меня же кассеты видеосъемки его гулянок остались. Я их спецом к делу не представил. Оставил в резерве!

Подполковник вздохнул:

– А стоит ли, Коля? Комаров, Башмаков, прокурор – система, вернее, представители установившейся и прочно закрепившейся системы коррупции на всех уровнях власти. И Водолеев уже вряд ли останется губернатором.

– Что, Комарова поставят?

Захарченко отрицательно покачал головой:

– Вряд ли. Слышал я, кого-то из Думы метят нам в начальники. Вроде как кандидатуру подбирают. А ты тут со своими пленками! Примут их у тебя, и, как протоколы, в печку! Это если решишь на Комарова переть. Ты лучше побереги кассеты для другого случая.

Николай поднял удивленный взгляд на своего, уже бывшего, начальника:

– Не понял, товарищ подполковник?

Захарченко выдержал взгляд:

– Ты думаешь, Комаров забыл о твоей пленке? В кассетах, Коля, твоя хоть и слабенькая, но защита. Как доказательства преступления вице-губернатора ты ее использовать не сможешь. А вот прикрыться – вполне! Думаю, новый начальник еще поговорит с тобой об этом. Но... пьем, водка стынет!

Выпили по второй.

Подполковник предложил:

– Скорей всего, тебя наверх потащат. Майору Лушину ты здесь не нужен. Предложат должность в области. Откажешься играть по их правилам, попытаются подставить. Да так, что и Звезда Героя не поможет! На это они мастера. Вот тут пленочка и сыграет свою роль. Но... служить нормально при Комарове не дадут!

Колян зло проговорил:

– А вот это мы еще посмотрим!

– Посмотришь, Коля, посмотришь! Система раздавит любого. Надо ломать Систему, только кто ее ломает? Она как паук, затянула страну в свою паутину.

– Разберемся!

– Разбирайся, если есть желание. Ты у нас парень боевой!

– Я из этих козлов, что прислуживали Комарову да Коноваленко, по новой показания выбью. Но уже отправлю в Москву, в МВД!

Захарченко печально улыбнулся:

– Перестань, Коля. Ничего ни у кого ты не выбьешь. Коноваленко сейчас под крылом Комарова, его охрана на стреме. Сунешься, тебя же и повяжут!

– Но что-то надо делать?

– Не знаю! Для меня все уже кончено. Я в драку не полезу! Займусь личным хозяйством, тепличку поставлю, о которой всю жизнь мечтал, буду разводить цветы. А тебе? Да что тебе мои советы? Все одно, по-своему сделаешь!

Николай затушил окурок:

– Наливайте по третьей, ребят пятой роты помянем!

– Это можно! Даже нужно. Память надо хранить. Без памяти мы в обезьян превратимся.

Выпили не чокаясь.

Несмотря на приличную дозу выпитого спиртного, Николай не хмелел.

Захарченко спросил:

– А ты куда уезжал, если не секрет?

– Да какой секрет? Бойню в Звездном помните?

– Конечно! Такое разве забудешь?

– А интервью главаря банды по «ящику» видели?

– Смотрел!

– Так вот этот Теймураз-Костолом пять лет назад руководил и боем против нашей роты!

Подполковник удивился:

– Да ты что?

– Вот и что! Я думал, его, гниду, на высотах положили вместе с остальными духами, а оказалось, нет, выжил, тварь. И вновь змеиную свою голову поднял. Я как узнал об этом, так и организовал командировку в Чечню. С небольшой группой бывших сослуживцев. Короче, вычислили мы этого Костолома. Устроили засаду и завалили его! Теперь уж окончательно!

Подполковник с искренним изумлением смотрел на лейтенанта:

– Ты... ты... это... серьезно, Коля?

– Да! Лично завалил Теймураза, вот этими самыми руками, – Горшков выставил ладони вперед, – но не сразу, дал помучиться.

– А... а... кто ж вас в Чечню-то пропустил? Да еще позволил охотиться на Теймураза?

Николай прикурил новую сигарету:

– Чечен один. Шах! О нем в свое время тоже писали газеты. Он с нами тогда на высотах дрался. Ему жизнью обязаны все, кто сумел отойти от обреченных позиций. Я в том числе. Он сейчас особым отрядом спецназа на Кавказе командует. Ну и взял к себе по старой дружбе. С ним, с его отрядом работали. А завалил я Теймураза как раз в той балке, по которой отходили раненные нашей роты. И по которой он, волчара, за нами тогда головорезов послал. Добить! Не получилось. У него. А у меня получилось. Разделал его на куски тесаком. Сегодня из Грозного, через Пятигорск, и прибыл сюда. А здесь...

Захарченко только и проговорил:

– Да, дела! И никому не сказал!

– Зачем? А чего говорить, когда еще ничего не было ясно! А сейчас сказал. Вам! Только прошу, не афишируйте это, добро?

– Но почему?

– Не надо! Не хочу!

– Ну, как скажешь.

Подполковник поднял бутылку. Она была пуста.

Предложил:

– Еще распечатать, Коля, а то не берет чегой-то?

Николай отказался:

– Хватит, Дмитрий Павлович! Не та, видимо, обстановка, чтобы кайфовать. Водка сейчас не расслабляет, а злит! Во мне же этой злости уже через край!

Подполковник согласился:

– Ты прав! Достаточно!

Горшков поднялся:

– Спасибо за прием, Дмитрий Павлович, хоть встреча и невеселой оказалась, но тем не менее. Поздно уже, пойду я!

Захарченко спросил:

– Да куда ж ты пойдешь, на ночь глядя?

– В гостиницу районную. Сейчас, в это время года, она пустует.

В проеме показалась супруга подполковника:

– Да кто ж тебя, Коля, отпустит? У нас и переночуешь. Места, слава богу, на всех хватит!

– Да неудобно как-то!

Подавал голос Захарченко:

– Перестань, Горшков! Чего в гостинице клопов кормить, когда у нас нормально отдохнуть можешь.

Он обратился к супруге:

– Оля! Постели Коле во второй спальне!

Николай предупредил:

– Только я рано встану! Мне на семь часов машину до деревни обещали!

– Как встанешь, так и встанешь. Я тоже, по привычке, в шесть уже на ногах.

Пришлось Коляну соглашаться. Да и не хотелось ему никуда идти.

Этой ночью Горшкова мучили кошмары. Приснился пятилетней давности бой у высот. Волны наступающих бандитов, раскаленный пулемет, гибель друзей. Изуродованный командир роты Доронин. Но самое страшное приснилось под утро. Как наяву он увидел Теймураза.

Увидел, как отбивает его вооруженную ножом руку, свой удар, отрубивший кисть бандиту, его кишки, перерезанное горло, из которого на Коляна лилась черная кровь. И почему-то вместе с кровью из раны выползали змеи. Тонкие, длинные, желтые, с широко раскрытыми красными пастьми и клыками, как у собак. Змеи пытались достать Николая. А он рубил их ножом. Увидел отрезанную голову Костолома, которую лейтенант держал за бороду. Как наяву услышал глухой удар головы о каменистое дно балки, когда он разжал ладонь. Гольдина с пулеметом. Костю, отчего-то собирающего кишки Теймураза...

Очнулся от голоса Захарченко:

– Коль! Колян! Проснись!

Горшков открыл глаза, еще не отойдя от кошмара:

– А... что? – Огляделся. Понял, где находится, спросил: – Что, пора вставать?

– Да нет, четыре только. Но уж сильно ты заметался вдруг, кричал что-то. Мы с женой в соседней комнате слышали. Решил разбудить. Кошмары снились?

Николай вытер ладонью мелкие капли пота со лба:

– Да! Кошмары, мать их! Черт! Теперь не усну! Это ж надо такому присниться? Так и крышу сорвать может, вместе с гвоздями! Вы говорили, Дмитрий Павлович, у вас еще водка есть?

Подполковник кивнул:

– Одевайся, пошли на кухню!

Выпив сто пятьдесят граммов водки, Николай успокоился.

Закурив, взглянул на бывшего начальника:

– Доставил я вам неудобств. Лучше уж в гостиницу пошел бы.

– Перестань, Коля, что мы, без понятия, что ли? Может, тебе выговориться стоит? Выложить все, что на душе скопилось? Знаешь, дальше этой кухни разговор не пойдет!

– Может, и так!

Офицеры проговорили до шести утра, заодно усидев и пол-литра водки и искурив пачку сигарет.

В 6.30 Николай покинул гостеприимный дом бывшего начальника РОВД. Захарченко проводил Горшкова до калитки:

– Давай, Коля! Удачи тебе. Будешь в Кантарске или понадобится, заезжай! И встречу, и, чем смогу, помогу!

Подполковник проводил взглядом лейтенанта, подумав: «Пацан еще, а сколько пережил, иным на всю жизнь хватит с лихвой. И его еще будут с дерьмом мешать козлы чиновничьи. За то, что не по их законам живет, за то, что не им служит, а людям, за то, что живым из боя вышел. И за справедливость стоит. Эх, жизнь наша, не пойми что! Все с ног на голову перевернули. Устроили бордель сплошной. Кто порядок наведет? Или так в бардаке и придется жизнь доживать?» Ему-то, Захарченко, ладно, он свое, можно сказать, прожил, закроется дома, как улитка в ракушке, и пошлет все куда подальше. А как жить таким, как Горшков? Ведь погубит их Система. Пуля не убила, осколок не взял, а Система погубит. Система, правящая страной! Хрен знает что получается. Кто Россию губит, разносит в куски, разворовывает, те в почете. Кто защищает ее, здоровья и жизни не жалеет, в отстой! Где и когда такое было видано, чтобы вот так-то?

Захарченко позвала супруга.

Офицер вернулся в дом. Мысли у него были невеселые. Он более пятнадцати лет, а если брать всю службу в разных ведомствах, в армии, МВД, рядовым, сержантом, офицером, то и все двадцать пять годков отдал Родине. А теперь из-за одного росчерка пера преступника-чиновника стал ей не нужен. Нежелателен.

Горшков вошел в дежурку без десяти семь.

Канарейкин находился в коридоре.

Увидев Николая, поздоровался:

– Привет, турист! Как ныне, не с черной ночевал?

– Нет, Саня, не с черной! С беленькой и пухленькой. В спальне, на кровати такой мягкой, как сама женщина. В доме кирпичном, с недостроенным гаражом, недалеко отсюда.

Старший лейтенант подозрительно посмотрел на Коляна:

– Ты на что намекаешь? У меня, что ль, ночь провел? С Галькой?

– Охренел? Разве я мог так поступить?

– Но ты ж жену мою описал и дом. У меня как раз гараж недостроенный. И живу я недалеко отсюда!

– С тобой и пошутить нельзя! Тупеешь ты, браток, на службе штабной. Еще годок, и кранты!

– Чего кранты-то?

– То, что въезжать ни во что не будешь!

Дежурный повел носом, принимаясь:

– Да ты пьян, Горшков! Свежаком прет!

– И что дальше? Я в отпуске! Имею право! Наш уговор насчет машины остается в силе?

– Конечно! Только... тебе это... задержаться немного придется!

– Это почему?

– Новый начальник спозаранку явился. Я о тебе и доложил. Он сказал, как приедешь, так чтобы к нему в кабинет зашел!

– Вот как? А на хрена ему обо мне докладывал?

– Да вышло так!

– Вышло! Мудак ты, Саня!

– Ну ты, не того, Колян, я ж не нарочно!

– Ясно, что по глупости! Головка где у тебя?

– Так тачкой занимается. Заправляет! Начальник долго тебя вряд ли задержит!

– Он сам сказал об этом?

– Нет! Но о чем базарить? Ты ж в отпуске. Думаю, решил по случаю познакомиться, и все. Поговорить. Все ж надо знать личный состав!

– Вот тут ты прав! Начальнику личный состав знать просто необходимо! Как его по имени-отчеству?

– Майор Лушин! Семен Григорьевич!

– Звякни ему, предупреди, что иду на randevu!

– Иди! Звякну!

Горшков направился к концу коридора, где находилась лестница, выводящая на второй этаж, прямо к приемной начальника Кантарского районного отдела внутренних дел!

Глава вторая

Северный Кавказ. Перевал Варух. Четверг

Банда Донора вышла к серпантину с рассветом, как и было запланировано в штабе Шамиля. Поднявшись на вершину перевала, представляющую собой каменную гряду, Донор, он же Мурза Башаев, удовлетворенно цокнул языком. Участок ровной гравийной дороги, ограниченной двумя крутыми поворотами, был как на ладони. За дорогой – крутой, поросший лесом склон, уходящий вниз, в Варухское ущелье. Со стороны перевала спуск к трассе тоже крутой, но разделенный несколькими террасами, вполне пригодными для оборудования на них огневых позиций. Прямой участок имеет в длину метров шестьсот. Хорошее место для нападения на русскую автомобильную колонну. Правда, за правым поворотом место еще лучше, там склон перевала покрыт кустарником, а правая обочина дороги обрывается в пропасть, да и сама трасса уже, но это известно и командиру подразделения федеральных войск. Сам серпантин тянется всего на два километра, колонны ранее здесь проходили часто и без проблем, но всегда предельно осторожно, предварительно проводя разведку местности. Особое внимание уделяя как раз участку до поворота, считая тот, первый отрезок серпантина наиболее опасным в плане вероятного нападения противника. Правильно, в принципе, считая. Пусть считают так и сегодня. Несомненно, просчитывая возможность нападения, но в большей степени надеясь на то, что, как всегда, обойдется. Раньше ведь обходилось?

К главарю банды, состоящей из двух групп, общей численностью в двадцать два боевика, подошел помощник, он же инструктор отряда, наемник из Чехии Иржи Ранек, которого в банде называли Капралом. Спросил:

- Что, Мурза, хороший вид?
- Неплохой, Капрал, неплохой!
- Справа лучше!

– Конечно! Но мы проведем акцию здесь! Почему именно здесь, надеюсь, объяснять не надо?

Чех усмехнулся:

– Кому объяснять, Мурза? Своему инструктору? Да реши ты организовать засаду до поворота, я тут же объяснил бы тебе, что там этого делать нельзя!

– Как видишь, обошелся без твоих советов.

– Ты давно уже не нуждаешься в них!

– Так почему продолжаешь оставаться со мной, а не просишь Шамиля перевести к другому, более молодому и менее опытному полевому командиру?

– Зачем, Мурза? С тобой мне спокойней! А деньги одни и те же. Только дурак или фанат станет напрашиваться на более опасную работу, не получая при этом надбавки к жалованью, но гарантированно обеспечивая себе возможность вместо долларов получить пулю в лоб. Я не дурак, Мурза, и уж тем более не фанат! И нахожусь в Чечне, чтобы заработать деньги, а не стать протухшей добычей ваших мерзких шакалов.

Башаев проговорил:

– Ты хитер, Капрал! Но не надо быть столь откровенным! Если твои слова дойдут до Шамиля, у тебя возникнут проблемы!

– Не думаю, Мурза! Кто их слышал, мои слова? Ты? Один? Этого мало, чтобы Шамиль принял какое-либо решение. Да, он верит тебе, ценит тебя! Но и я в группировке не последний человек! Мне продолжать?

– Не стоит! Мы давно вместе! И ты мне нужен не меньше, чем я тебе! Так зачем ссориться?

Чех напомнил:

– Ты первый начал, Мурза!

– Забудь об этом. Давай, пока отряд отдыхает, определимся, как и где расположим позиции засады.

– А может, тоже немного отдохнем? Я, честно говоря, после форсированного марша подустал что-то! Да и перекусить не помешало бы! Тем более времени у нас достаточно. На все!

Мурза заметил:

– Если русские выйдут со своей базы по графику.

Ранек ответил:

– Они выйдут по графику! С чего бы им менять время выхода? Марш обычный, маршрут проверенный, груз стандартный. И потом, Мурза, у нас же на базе сидит «дятел». Если что, он стукнет сразу же! До нас колонне идти 30 километров. Это где-то минут сорок, от силы час езды, если начальник колонны педант и будет соблюдать установленный по региону режим перемещения воинских подразделений. Но я таких педантов до сих пор не встречал. Русские ведут колонны так, как это позволяет местность, а не приказ вышестоящего штаба. До серпантина открытая равнина, но плохая дорога. Не разгонишься. Максимум до 50 километров в час. В этом режиме до перевала им идти где-то полчаса. Остановка перед серпантином. Так что у нас в любом случае будет время подготовиться к приему дорогих гостей!

Мурза согласился:

– Хорошо! Сделаем и мы привал. Десять минут!

Чех вновь усмехнулся:

– Не суетись, Мурза! Мы...

Главарь не дал договорить помощнику:

– Все, привал, сказано, десять минут, значит, десять минут, и перестань ухмыляться. Меня это раздражает. Доставай лучше паек! Я расстелю клеенку. Обоснуемся прямо здесь!

Наемник пожал плечами:

– Как скажешь, шеф!

Башаев бросил быстрый взгляд на начавшего доставать из ранца сухой паек наемника, ожидая увидеть ироничное выражение на его холеном лице, но чех выглядел серьезным, даже сосредоточенным.

Перекусив и немного отдохнув, главарь банды с помощником приступили к организации засады против российской автомобильной колонны. Колонны, которая должна была выйти из ближайшей базы снабжения в 8.00 для доставки груза одной из воинских частей, поддерживающих пограничный отряд.

Мурза спросил чеха:

– Как будем гасить колонну?

Капрал ответил:

– По стандартной схеме. Дождемся, когда все машины выйдут на прямой участок дороги, и проведем гранатометный обстрел бронетранспортера или БМП охранения, топливозаправщика и замыкающей машины. Для этого гранатометчиков надо разместить за правым поворотом, где-то здесь, посередине участка и перед левым поворотом. После гранатометного обстрела поведем огонь из стрелкового оружия.

Главарь сказал:

– Согласен. Но при этом всех бойцов колонны мы уничтожить не сможем. Часть уйдет с дороги на противоположный склон. Он хоть и крут, но за обочиной зацепиться солдаты сумеют. Завалить их мы не сможем! А взрывы будут слышны на базе. Командование гяуров немедленно вышлет сюда боевое подразделение из состава мотострелкового батальона охранения базы. Вполне вероятно, вызовет и «вертушки» «Ми-24». Вертолетный полк базируется в каких-то шестидесяти километрах от складов. И тогда уже мы, втянутые в бой, окажемся в западне. Задержись мы здесь минут на сорок, дабы сломить пусть хлипкую, но активную обо-

рону остатков подразделения федералов, и вертолеты огневой поддержки, и наземные силы русских достанут нас до того, как мы доберемся до «зеленки»! Хотя и лес на окраине не станет для отряда надежным прикрытием! Отойти, не добив федералов, мы не можем, так как, если ты помнишь, по приказу Шамиля должны уничтожить всю колонну – технику и личный состав. Только тогда задача будет считаться выполненной. Уничтожить русских и успеть самим уйти!

Наемник пожал плечами:

– Не вижу проблем в выполнении поставленной задачи. Да, ты прав! После обстрела часть русских отойдет с дороги и откроет по нашему склону ответный огонь. Но при одном условии!

Главарь банды спросил:

– Каком условии?

Чех ответил:

– При условии, что эту часть, уцелевшую после основного обстрела, на той стороне не встретят наши люди!

– Ты предлагаешь перебросить часть бойцов на склон за дорогой?

– Точно так, шеф! Для обстрела с этого склона достаточно одной группы, рассредоточенной по хребту вдоль всего прямого участка. Вторую мы спокойно можем растянуть за трассой, так же от поворота до поворота. Тогда ликвидация русского подразделения займет не более десяти минут. Одновременного удара с фронта и тыла им не выдержать. Русские просто не смогут, не успеют организовать оборону. Перестреляв солдат и подорвав машины, мы тут же начнем отход и уже через полчаса войдем в недостижимую для вертолетов лесную зону. Хотя еще большой вопрос, применят ли федералы авиацию? Я склоняюсь к тому, что, услышав взрывы и поняв, что на серпантине колонна попала в засаду, командование базы ограничится высылкой сюда наземных сил. Но в любом случае час на то, чтобы уничтожить колонну и уйти, у нас будет.

Мурза погладил узкую бородку, проговорив:

– А ведь ты прав, Капрал! Если мы ударим с двух направлений... – Не закончив фразу, он взглянул на наемника: – Все же не стоит нам расставаться, Капрал! Вместе и работать веселее!

– А я тебе что говорил?

– Ладно! Время?

Ранек взглянул на часы:

– 8.07!

Башаев встрепенулся:

– До подхода колонны чуть более получаса! Так какого черта мы бездействуем? Срочно поднимай отряд! Первую группу ко мне! С бойцами Закира спускайся за дорогу, ниже края обочины метров на двадцать, укройтесь там в мелких, но позволяющих замаскироваться кустах.

Заняв рубеж атаки с тыла, чех вызвал по станции малого радиуса действия Башаева:

– Мурза? Слышишь?

Главарь банды ответил:

– Слышу, Капрал!

Наемник доложил:

– К встрече гостей готов!

– Отлично! У меня тоже порядок! Помни, на штурм и ликвидацию колонны десять минут. Еще десять на подъем к хребту. Далее форсированный отход! Вопросы, Капрал?

– Нет вопросов, шеф!

– Правильно. Их у тебя и не должно быть! Да поможет нам Аллах!

– Я не против, хотя не верю ни в Бога, ни в черта! Отбой!

Выключив станцию и укрывшись за грядой, Мурза направил бинокль на левый поворот, откуда должна была вскоре появиться не ожидающая нападения, обреченная на тотальное уничтожение российская автомобильная колонна.

База материально-технического снабжения

7.00. Автомобильная колонна в составе семи машин выстроилась на плацу части. Построение применили обычное, впереди два «КамАЗа» с продовольствием и вещевым имуществом, за ними «Уралы», груженные боеприпасами, два топливозаправщика и замыкал колонну «ЗИЛ-131» – мастерская технического обслуживания. Водители и старшие машин осматривали технику, марш предстоял хоть и недолгий, на коротком плече, но через серпантин перевала Варух. А в горах любая непредвиденная остановка грозила крупными неприятностями. Хуже нет стоянки на подъеме или спуске. Не дай бог, сорвет ручник или предохранительные колодки, которые еще надо успеть поставить в первые же минуты вынужденной обстановки. И тогда груженная машина пойдет вниз. Хорошо еще, если бойцы успеют выпрыгнуть и автомобиль, не задев другой техники, свалится в пропасть. Хотя и в этом случае приятного мало, особенно при срыве в ущелье машины с боеприпасами. А коли катящийся, набирающий скорость автомобиль ударит по соседним грузовикам, снося в пропасть и их, да еще с личным составом, то это уже происшествие чрезвычайное. Поэтому солдаты внимательно осматривали технику, проверяли, свободно ли закреплены колодки, бревна, тросы, все, что может помочь удержать автомобиль на склоне, случись непредвиденная остановка. Начальник колонны прошел в штаб базы, где заместитель командира назначил предмаршевый инструктаж. Капитан Головачев, подойдя к зданию управления раньше назначенного срока, присел в курилке. Алексею не впервой водить колонны по Чечне. Приходилось преодолевать и перевал Варух. Дорога там узкая, но в принципе ровная, проходимая, если не рвать режим движения. Места грозные, склон до второго поворота почти отвесный, но боевики там еще ни разу не проявляли себя. Даже фугасов не ставили. Либо их в том районе не было, либо малочисленным, но хорошо вооруженным колоннам они не придавали значения. Но, скорей всего, сказывалась близость серпантина от базы, где, кроме подразделений материально-технического обеспечения, дислоцировался и отдельный мотострелковый батальон, осуществляющий как охрану всего объекта, сопровождение колонн, так и выполнявший собственные задачи. Кроме того, рядом с базой и мотострелками базировался усиленный десантно-штурмовой батальон и реактивный дивизион. Сила немалая, и в каких-то тридцати километрах от перевала. А в шестидесяти, севернее, стоял вертолетный полк. К тому же отход с хребта представлялся делом сложным. Да, южный склон выходил к обширному лесному массиву, но по отдельным тропам, и сначала в редкую по плотности насаждений «зеленку». И только где-то через километр лес плотно накрывал горы, предоставляя малым диверсионным группам вероятного противника надежную защиту. Головачев выкурил половину сигареты, когда увидел идущего по аллее офицера мотострелкового батальона, старшего лейтенанта Игоря Кливина, которого хорошо знал по общаге. Сразу понял, старлея определили старшим боевого охранения его колонны. Иначе какого черта Кливину делать в это время возле штаба базы?

Старлей поздоровался издали:

– Привет, Леха! Вот кого, значит, мне придется охранять на марше? Это хорошо. Нет ничего хуже, когда начальником баллонов (так пехотинцы называли автомобилистов) определяют молодняк, не имеющий опыта в подобных маршах. Те и себя задолбят, и охранение вконец изведут своими заморочками! Ты – другое дело. С тобой марш – прогулка.

– Что-то у тебя с утра настроение необычно приподнятое, – усмехнулся капитан. – Сомневаюсь, что причина только в том, что автомобильную колонну поведу я! Присаживайся и колись, в чем дело! До инструктажа 10 минут. Да и заместитель еще не подошел. Так что время для беседы у нас есть.

Старший лейтенант присел рядом с товарищем, достал пачку сигарет:

– Хороший сегодня день будет, Леха, солнечный и нежаркий.

Капитан посмотрел на мотострелка:

– Ты мне баки-то, Игорь, не забивай! Чего такой радостный с утра? В карты, что ли, накануне хороший куш сорвал?

– При чем здесь карты? Говорю, погода...

Головачев перебил Кливина:

– Игорь?! Мозги не пудри!

Лицо старшего лейтенанта расплылось от улыбки.

– Ладно, все одно уже сегодня слухи по всему гарнизону расползутся. Радостный я, Леха, оттого, что наконец уломал Валентину. Вчера вечером и уломал, вместе ночевали. Сколько я ее добивался, все впустую, а вчера раз – и выгорело. И получилось-то все обыденно.

Валентина являлась вольнонаемной на базе и работала официанткой в офицерской столовой. В отличие от подруг, зарекомендовала себя женщиной правил строгих и считалась недотрогой. Красивой, привлекательной недотрогой.

Кливин продолжил:

– Вчера, как обычно, пошел на ужин. Перекусил и остался ждать Валентину, особых надежд на проявление с ее стороны благосклонности не питая. Смотрю, выходит. Одна. Я к ней: так и так, позвольте, любезная Валентина, проводить вас. Она: пожалуйста. Идет в обход парка десантуры. Ну, я ей: может, вечерок вместе проведем? Она: зачем? Нравишься, говорю ей. Смеется, что, говорит, невтерпеж стало без женской ласки? Я: мол, не в этом дело, сама знаешь, ласку эту в гарнизоне получить не проблема. Ну и дальше в том же духе. Типа, только она мне нужна, еще что-то. А возле женской общаги Валентина вдруг и говорит:

«Хорошо, Игорь. Ты мне тоже небезразличен, и надоело одиночество, сил нет. Куда пойдём?»

Я не ожидал подобного поворота событий, растерялся. А куда вести ее, на самом деле? Но и тут Валя решила все сама. Впрочем, говорит, есть у меня ключ от отсека подруги-связистки, та в отпуск уехала. Пошли туда. А утром, Леша, не поверишь, решили пожениться!

Головачев удивился:

– Что, вот так, после одной ночи и сразу пожениться?

– Да, вот так, после одной ночи! Но какой, Леха, ночи! И не только в плане секса, хотя и в этом я испытал такое удовольствие, что словами не передать. Главное, увидел я в Валентине, как бы тебе это лучше объяснить, человека необыкновенной душевной щедрости. Короче, влюбился под утро, как пацан вчерашний. И предложил ей выйти за меня замуж. Она согласилась. Поэтому-то я из отсека к вашему штабу словно на крыльях летел!

Капитан улыбнулся:

– Это было заметно! Только будет лучше, если ты приземлишься, Пегас. То, что решил связать свою жизнь с Валентиной, одобряю, женщина она порядочная, но давай все же обсудим дела насущные!

– Ты о марше?

– О нем!

Старший лейтенант отмахнулся:

– Чего его обсуждать? В первый раз, что ли, пойдём на Варух?

Головачев согласился:

– Не в первый и, надеюсь, не в последний.

– Сплюнь!

– Плюй, не плюй, а расслабляться не стоит! Сам знаешь, здесь на Кавказе удар можно получить где угодно, в том числе там, где меньше всего ожидаешь!

Кливин спросил:

– У тебя есть какая-то информация о марше?
– Нет! Просто говорю, радоваться скорой новой жизни, свадьбе, радуйся, но и о работе не забывай!

– А кто забывает? Видишь, я тут, как и положено. Задачу выполнить готов.

Головачев проговорил:

– Это хорошо! Какие силы ваш комбат выделил на охранение колонны?

– БТР! С отделением во главе со мной!

– Всего один бронетранспортер?

– А что ты хотел, чтобы на семь ваших машин взвод определили?

– Ясно! Значит, БТР. Ладно!

Кливин спросил:

– Ты недоволен, Леха? Но и раньше две боевые машины выделяли на колонну свыше десяти автомобилей. А на меньшую колонну – одну!

– Да нет, все нормально, Игорек!

– Вот и я о том же! Пройдем этот чертов серпантин, как раньше проходили, сбросишь, где надо, свой груз и в обратку. Кстати, назад порожняком пойдешь? Или нагрузят чем?

Капитан пожал плечами:

– Этого не знаю, Игорь! Но узнаем на инструктаже. Вон заместитель командира на аллее показался.

Старший лейтенант добавил:

– И не один!

Подполковник Войченко действительно шел с майором военной контрразведки, который неделю работал с проверкой на базе.

Головачев кивнул в сторону шедших:

– С особистом вышестоящего штаба идет. Что бы это значило?

– А хрен его знает!

– По-моему, Игорек, подсадит его к нам Войченко в качестве пассажира!

Мотострелок согласился:

– Скорей всего! Ну и черт с ним! Засадишь его в летучку МТО, и все дела!

– Посмотрим!

При подходе заместителя командира части и офицера контрразведки Головачев с Кливиным поднялись. По очереди доложили, что прибыли на инструктаж. Подполковник Войченко предложил офицерам пройти в свой кабинет. Капитан и старший лейтенант подчинились, вошли следом за начальником в штаб. За ними проследовал майор контрразведки. Он не поздоровался с младшими офицерами и не представился. Видимо, считал себя выше какой-то там пехоты и тыловиков. Все же контрразведчик! Одно слово чего стоит! Это тебе не автомобилист зачуханный. Элита, мать ее!

В кабинете подполковник взглянул на часы, прошел к стенду, закрытому шторками. Раздвинул материю, открывая оперативную карту района, на которой места дислокации частей федеральных сил нанесены не были. Карта была обычной. Майор сел на стул в угол, внешне безразличный к действиям офицеров базы. Головачев и Кливин встали рядом с подполковником. Войченко взял в руку указку:

– Вам, капитан Головачев, предстоит совершить марш от базы до войсковой части №... Задача обычная, маршрут вам знаком. Колонну во время движения будут прикрывать соседи – отделение во главе со старшим лейтенантом Кливиным на бронетранспортере. Хотя вы сами прекрасно знаете дорогу, обязан отметить, что по пути следования подразделения боевики, которые ранее себя в нашем районе не обозначали, но могут объявиться где и когда угодно, в состоянии нанести удар на двух потенциально опасных участках серпантина Варух. Здесь и здесь! – Подполковник указал на карте точки до второго поворота извилистой горной дороги

и за ним. – Поэтому на этих участках прошу и требую соблюдать повышенные меры безопасности. Какие? На усмотрение начальника колонны!

Капитан кивнул.

Заместитель начальника базы указал на майора:

– Этот человек поедет с вами! Представляю его: офицер службы военной контрразведки майор Репнин. Ему необходимо...

Особист прервал подполковника:

– Я считаю лишним, Сергей Анатольевич, говорить о том, что необходимо мне. А офицерам колонны знать об этом!

Подполковник поднял руки:

– Извините! Я все понял! – И вновь обратился к Головачеву: – Вопросы по маршу ко мне есть?

Капитан ответил:

– Есть! Считаю нелишним связь между колонной и базой осуществлять постоянно, а не по графику, через определенные промежутки времени. Это первое! Второе! Думаю, также нелишним будет дополнительно запросить у мотострелков хотя бы взвод резерва и держать его в готовности немедленно выдвинуться по маршруту колонны. Третье! Неплохо было бы связаться с вертолетчиками и проинструктировать о нашей колонне, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств их дежурное звено, не теряя времени, могло подняться в воздух.

Подполковник удивленно взглянул на Головачева:

– Почему ты, капитан, предлагаешь подобную страховку?

Поднялся и особист:

– У вас, Головачев, что, есть какие-нибудь данные о том, что колонне угрожает опасность? Кто источник этих данных и в чем заключается угроза?

Капитан ответил:

– Нет у меня никаких данных, но в последнее время мы стали слишком беспечны при проводке колонн в близлежащих районах. Не думаю, что сей факт остается без внимания бандитских группировок, и рано или поздно, но они появятся здесь. Духам хорошо платят за уничтожение российских подразделений. Почему бы им не заработать тут?

Майор не сводил своих пронзительных глаз с капитана:

– Так это лишь ваше предположение, что колонна может подвергнуться нападению?

– Так точно!

– И не имеет под собой доказательной основы?

Головачев проговорил:

– Я не следователь, чтобы искать какие-либо доказательства! Опирирую фактами и логикой. Факты в том, что маршрут имеет потенциально опасные участки, а логика в том, что для боевиков наш район весьма лакомый кусок! Вот и все, что я хотел сказать, изначально подготовиться к предполагаемым агрессивным действиям бандитов на перевале!

Майор кивнул:

– Ясно! – И повернулся к подполковнику: – Сергей Анатольевич, примите к исполнению пожелания капитана. Свяжитесь с мотострелками и вертолетчиками. Если возникнут проблемы во время переговоров с их командованием, можете сослаться на меня.

Заместитель начальника базы козырнул:

– Есть!

И недовольно посмотрел на Головачева, подумав: нашелся стратег, боевики, видите ли, могут напасть на колонну! До сих пор не нападали, а сейчас нападут. И кто только за язык тянул этого капитана? Суется теперь, вместо того чтобы своими делами заниматься! Войченко намеревался сегодня отправить посылку домой. Отправишь теперь. Комбата пехотного найди, но с этим проще, а вот с летунами... черт бы побрал Головачева. Перестраховщик, мать

его! Проще было вместо него кого-нибудь другого послать. Да что теперь об этом. Теперь уже поздно! Вдохнув, Войченко отпустил капитана со старшим лейтенантом, предложив майору чашку кофе. Тот не отказался.

Заместитель начальника штаба вышел из кабинета, крикнув:

– Дежурный!

В коридоре появился старший лейтенант:

– Я, товарищ подполковник!

– Солодчий! Вызови ко мне Петрова! Срочно!

Капитан Петров являлся помощником Войченко. Дежурный нашел его в офицерской столовой и сообщил о вызове начальника. Петров всегда являлся в столовую одним из первых, потому что не любил принимать пищу в забитом до отказа небольшом зале. Быстро, обжигаясь, допив чай, он поспешил в штаб.

Заглянул в кабинет начальника:

– Разрешите, товарищ подполковник?

Но Войченко сам вышел к помощнику:

– Слушай меня внимательно, Гриша! Сейчас найдешь командира мотострелкового батальона, составишь экстренную заявку на взвод пехоты. Но не для сопровождения колонны, а для использования нами в качестве оперативного резерва. Комбат спросит, что за дела, ответь, не знаю, таково решение начальства! Понял?

– Так точно! Хотя...

– погоди, это еще не все! После мотострелков следуешь на узел связи. Выходишь на командование вертолетного полка. Доводишь до них информацию о марше нашей колонны и просишь по первому вызову оказать помощь «вертушками», если в этом возникнет необходимость. Вот теперь говори, что хотел сказать.

Петров удивленно спросил:

– А с чем связаны подобные мероприятия? Раньше такого не было!

– То раньше, а нынче наш Головачев, видите ли, выдал предположение, что потенциально боевики вполне могут атаковать его колонну! И его контрразведчик поддержал, а посему выполняй, что приказано. И быстро, Гриша, быстро! Колонна начинает марш по графику ровно в 8.00! Иди!

Проводив помощника, Войченко вернулся в кабинет. Помощник дежурного по части внес чашки кофе.

Петров же вышел из штаба. Прошел по аллее, ведущей к расположению штаба мотострелкового батальона, остановился у куста, нависшего над скамейкой, огляделся. Не заметив никого, извлек из кармана небольшую по размерам, но мощную станцию спутниковой связи:

– Шамиль? Крот на связи!

Главарь центра террористических группировок на территории Северного Кавказа ответил немедленно:

– Слушаю!

– Шамиль! Я насчет колонны!

– Говори!

– По ней принимаются усиленные меры обеспечения безопасности предстоящего марша!

– В чем они заключаются?

Капитан Петров разъяснил ситуацию главарю чеченских бандформирований. Тот, выслушав предателя, задумчиво спросил:

– Возможно то, что ваш начальник колонны каким-то образом «получил» информацию о засаде на серпантине? – И тут же сам ответил: – Исключено! В этом случае командование русских предприняло бы контрудар, а не занялось страховкой!

Петров спросил:

– Что делать мне, Шамиль?

– То, что тебе приказал командир! Приказы всегда надо выполнять! Это закон! Об остальном позабочусь я сам. Благодарю за сообщение, конец связи!

Помощник заместителя начальника базы материально-технического снабжения войск федерального командования отключил спутниковую станцию, вновь огляделся и, убедившись в том, что его никто не видел, поспешил к штабу отдельного мотострелкового батальона. Шамиль прав – приказ начальника надо выполнять. Кто бы ни являлся начальником и каким бы ни был приказ. Естественно, при условии, что исполнение данного приказа не угрожает его жизни. Предатель привык, чтобы его «служба» приносила деньги, а не неприятности.

Проведя собственный инструктаж водителей и бойцов отделения боевого охранения, капитан Головачев занял место в переднем «КамАЗе» и ровно в 8.00 отдал приказ о начале движения, сообщив об этом дежурному по базе.

Майор-особист занял место старшего второй машины, отправив солдата в летучку. В 8.05 бронетранспортер старшего лейтенанта Кливина прошел под шлагбаумом контрольно-пропускного пункта и, набирая скорость, пошел по дороге, ведущей к перевалу Варух, к серпантину. Выдерживая дистанцию в сорок метров, за БТРом пошли автомобили. Марш начался. И чем он закончится, не знал никто. Даже боевики, засевшие в засаде на позициях вдоль ровного участка серпантина. Несмотря на все приготовления, с использованием фактора неожиданности нападения, количественный перевес, ни Мурза Башаев, он же Донор, ни его помощник – инструктор, наемник Иржи Ранек, не могли гарантированно сказать, чем закончится штурм российской колонны. Бой далеко не всегда развивается так, как его планируют. А посему Донор и Капрал испытывали легкое волнение, правда, тщательно скрывая его от подчиненных, готовых нанести удар по русским.

Боевики Башаева находились в полной готовности, когда спутниковая станция главара, занявшего позицию на хребте посередине прямого участка горного серпантина, издала сигнал вызова. Вызывать по этой связи его мог только Шамиль. Но почему сейчас? Этого бандит понять не мог. Ответил:

– Я – Мурза, слушаю тебя, босс!

– Акция на серпантине отменяется!

Башаев крайне удивился:

– Но... почему, босс?

– Русские неожиданно и необъяснимо предприняли дополнительные меры обеспечения безопасности своей колонны! Уничтожить ее сейчас ты сможешь, а вот уйти уже нет. А мне ты и твои люди нужны живыми, так что пропускай колонну!

– И уходить?

– Нет, Мурза! Я отменяю акцию частично. Ты пропустишь ее сейчас, но встретишь на обратном пути. Русские, убедившись в том, что их предположения, а возможно, и какая-нибудь информация о нападении не подтвердились, успокоятся, отменят повышенный режим безопасности, и колонна будет возвращаться на базу практически без внешнего прикрытия, – БТР непосредственного охранения я не считаю. Вот тогда ты и накроешь ее и успеешь уйти, тем более обратно колонна пойдет под вечер. Сумерки, а затем и темнота сыграют на твоей стороне. Понял смысл приказа?

Башаев доложил:

– Понял, босс!

– Выполняй, Мурза! До связи!

Отключившись, главарь банды передал по цепи, расположившейся на хребте перевала:

– Акция отменяется. Колонну пропускаем! Но всем оставаться на позициях, не обнаруживая себя. До получения дополнительного распоряжения.

После этого Башаев вызвал Ранека:

– Капрал? Как дела?

– Нормально, Мурза! Готов встретить гостей, как уже докладывал, а с чего ты решил вызвать меня?

Мурза объяснил, а потом приказал:

– Сейчас передай своим людям, пусть отдыхают, а как пройдет колонна, поднимайся ко мне. Здесь и поговорим. До связи!

Мурза отключил и обычную рацию малого радиуса действия, отставил к камню пулемет, отложил бинокль и облокотился о земляной валун. Вскоре услышал звук двигателей. К участку засады приближалась русская колонна.

Пройдя равнину, перед началом подъема на перевал, по выработанной привычке, капитан Головачев остановил колонну, передав по связи Кливину команду провести разведку первого опасного участка серпантина. БТР с солдатами отделения, разместившимися на броне, ушел вперед. Водители и старшие машин покинули кабины, приступив к осмотру техники. Вышли из машин и Головачев с особистом.

Капитан размялся.

Репнин подошел к начальнику колонны, спросил:

– Капитан, что означают ваши действия?

Головачев объяснил:

– Перед тем как начать движение по серпантину, мы обычно проводим разведку потенциально опасных участков. Вот и пошел бронетранспортер с Кливиным, который оценит обстановку в начале подъема и там, где дорога с правой стороны обрывается в пропасть, а с левой накрывается крутым, но пригодным для нападения склоном!

Майор кивнул и задал следующий вопрос:

– Почему личный состав отделения охранения находится не в десантном отсеке, а сидит сверху, на броне, тем самым словно специально подставляя себя противнику? Или это бравада? Элементарная показуха такого бесшабашного презрения к опасности?

Капитан взглянул на контрразведчика. Оказывается, тот мало что понимал в войне. Иначе не задавал бы подобные идиотские, по-другому их и не назвать, вопросы. Но вынужден был объяснить и на этот раз. Все же майор, видимо, имел достаточно весомое положение при федеральном командовании, что следовало из того, что его посылают инструктировать или проверять в целые гарнизоны, а полковники тянутся перед ним, как перед генералом:

– Это, товарищ майор, не подстава, не бравада и уж тем более не показуха!

– Так что же тогда?

– Необходимость!

– Необходимость? Я плохо понимаю вас!

– А между тем все просто! Первым делом при атаке бронированных объектов, как известно, применяют гранатометы. Кумулятивный заряд, прожигая броню, разрываясь внутри бронетранспортера, боевой машины пехоты, десанта или танка, создавая чудовищные по величине давление и температуру...

Майор перебил Головачева:

– Мне это известно, капитан! Не надо читать лекций по принципам действия кумулятивных зарядов!

– Так из этого вытекают ответы на ваши вопросы.

– Точнее.

– А точнее некуда, товарищ майор! – Контрразведчик начал вызывать у капитана раздражение. – Некуда точнее! Если во время поражения БТРа гранатометом личный состав будет находиться в десантном отсеке, то он весь погибнет в считанные секунды. Находясь же на броне, солдаты в худшем случае получают контузию или легкие ранения от подрыва боекомплекта боевой машины. Их просто сбросит с брони. Но через какое-то время основная часть отделения

сможет вести бой! К тому же, находясь на броне во время движения и особенно в режиме проведения разведки, бойцы имеют куда больший, несравнимо больший сектор и наблюдения и ведения огня, чем тот, что открывается из бойниц десантного отсека.

Майор поднял руку:

– Достаточно, капитан! Я удовлетворен ответом! Скажите лучше, как долго отделение охранения будет проводить разведку?

Капитан ответил, глядя в глаза контрразведчику:

– Пока Кливин не убедится в том, что на первом участке колонне ничего не грозит! А ограничений во времени старший лейтенант не имеет!

Майор скривился:

– Перед вторым участком вы также намереваетесь остановить колонну? И как с соблюдением графика движения? Его специально для вас никто не отменял!

Пришлось продолжать разговор с представителем контрразведки:

– Перед вторым, потенциально опасным участком мы останавливаться не будем, так как на серпантине, подъемах или спусках этого не делают. После разведки первого участка через перевал пойдем безостановочно, если, конечно, нам противник не запланировал стоянку где-нибудь в очень неудобном для обороны месте. А насчет графика? Он предусматривает время на те мероприятия, что в данный момент проводит старший лейтенант Кливин. Сомневаетесь, свяжитесь с подполковником Войченко.

Майор ничего не сказал. Достав пачку дорогих сигарет, закурил, отойдя от Головачева.

Алексей подумал: «Вправду этот Репнин полный лох в делах боевых или прикидывается? Контрразведчики ребята себе на уме. Там, как правило, бестолочь не держат, напротив, отбирают к себе лучших. Да еще и дополнительно обучают в специальном Центре. Значит, Репнин все же и для чего-то проверял меня, так как, даже не имея практического опыта, теоретическими знаниями ведения боевых действий в горно-пустынной местности владеть он просто обязан. Следовательно, проверял! Зачем? Да затем, что работа у него такая! Да и сам майор, судя по всему, человек замкнутый, хмурый, подозрительный! По характеру. Или данные качества тоже являются издержками его секретной профессии? А вообще, шел бы он на хутор бабочек ловить!» Капитан услышал звук двигателя бронетранспортера. Проведя слабенькую, но все же разведку, возвращался Кливин со своими, оседлавшими БТР, как осла, гвардейцами. Головачев пошел навстречу бронетранспортеру. Им с Кливиным следовало обсудить уточненную старшим лейтенантом обстановку, а делать это в непосредственной близости, можно сказать, в присутствии особиста не было никакого желания. Кливин приказал остановить БТР перед Головачевым. Сам старший лейтенант выбросил ноги из командирского люка и спрыгнул на землю:

– Чего ты пошел встречать меня? Сам бы подъехал.

– Не хочу в присутствии майора разговаривать!

– Что, достал, пока я отсутствовал?

– Было такое!

– И что спрашивал?

– Херню всякую! Но черт с ним! Что на перевале? Далеко ли забирался?

Кливин доложил:

– Забирался до второго участка, потому как только там на прямом участке трассы мог вернуться. Посмотрел хребты, пропасть, склон в ущелье, напротив хребта. Вроде все «чисто»! Как обычно! Птицы летают спокойно, а шакалы забились уже в норы. Можем продолжить марш!

Капитан взглянул на старшего лейтенанта:

– Да? Ну что ж, тогда разворачивайся и не спеша следуй к перевалу. Как догоню тебя, пойдем в обычном режиме.

– Есть, товарищ капитан!

– Смотрю, хорошее настроение не покидает тебя, Игорек?

Старший лейтенант расплылся в довольной улыбке:

– Напротив, все больше повышается и крепчает, как вспомню Валентину, впрочем, крепчает не только настроение!

– Хам ты, пехота!

– Тебе моего счастья не понять!

– Да куда уж нам, баллонам! Ладно, работаем!

Кливин отдал команду механику-водителю бронетранспортера развернуться, после чего, заняв место командира, приказал выдвигаться к перевалу на предельно малой скорости.

Головачев объявил построение личного состава. Быстро провел дополнительный инструктаж, касающийся режима движения по серпантину, а также действий в случае нападения на колонну. После чего, перестроив подразделение, а точнее, выведя наливники (топливозаправщики) в замыкание, а летучку МТО-АТ определив на их место, отдал приказ – по машинам! Особист молча занял свое место. Из кабины рукой капитан сделал отмашку, и малочисленная колонна пошла догонять бронетранспортер боевого охранения. И только с этой минуты можно было считать, что марш через перевал реально начался. Все, что происходило до этого, было обычной поездкой. Сейчас все изменилось. Личный состав российского автомобильного подразделения и мотострелкового батальона непосредственно приступил к выполнению боевой задачи!

Глава третья

Подойдя к бывшему кабинету Захарченко, Николай увидел новую табличку на дерматине. На ней золотистыми буквами было нанесено: «Начальник Кантарского РОВД майор Лушин Семен Григорьевич».

Ниже доска, указывающая режим работы милицейского чиновника. Доска осталась от Палыча. Возможно, единственное, что осталось от него в помещении бывшего начальника райотдела Кантарска.

Горшков стучать не стал. Открыл дверь в тамбур, из него прошел в сам кабинет. Увидел за рабочим столом склонившегося над бумагами начавшего рано лысеть майора. Колян ошибся. Все здесь осталось, как и было при Захарченко. Майор поднял голову, спросил:

– Лейтенант Горшков Николай Иванович?

– Вам же дежурный уже доложил, кто я!

Майор милиции повысил голос:

– Я, по-моему, внятно задал вопрос, товарищ лейтенант?

Николай ответил:

– Да, товарищ майор, я Горшков Николай Иванович, участковый деревни Семениха Кантарского района, ваш подчиненный!

Начальник РОВД указал на стул за гостевым столиком, стоящим перпендикулярно рабочему столу Лушина:

– Присаживайтесь!

Горшков занял место возле майора. Тот сразу уловил запах спиртного, удивленно спросил:

– Вы пили в такую рань?

Колян пожал плечами:

– Ну и что? Я же в отпуске и могу делать все, что заблагорассудится, в рамках закона, естественно!

– Но воспринимаете реальность адекватно, а то, может, наш разговор не имеет смысла?

– Вы же прекрасно видите, майор, что я не пьян, а запах – явление остаточное.

– Не забывайте перед званием произносить слово товарищ, это вам не с Захарченко общаться.

Николай согласился:

– Это точно подмечено, товарищ майор!

На слове товарищ Колян сделал ударение.

Новый начальник внимательно посмотрел на Горшкова:

– А вы действительно такой, каким вас мне представляли.

– Интересно, и какой же?

– Ершистый, самовольный, не отличающийся дисциплиной!

– Я бы охарактеризовал себя по-иному – свободный, независимый, не скрывающий и не боящийся высказывать собственное мнение, даже если оно не нравится начальству, блюститель закона. Нагло вато вышло? Возможно! Но характеристика более соответствующая действительности. Кому, как не мне, лучше других знать себя?

Майор протянул:

– Да-а, скромности вам не занимать! А не мешало бы, Горшков, вести себя скромней! Несмотря на все ваши несомненно достойные восхищения заслуги перед отечеством!

– На что вы намекаете? На звание Героя?

– И на это тоже! Да, вы кровью заслужили это звание, и я не собираюсь обсуждать ваше героическое военное прошлое. Но живем мы, лейтенант, настоящим! А значит, должны исходить из той ситуации, что складывается сегодня.

Николай не без доли ехидства заметил:

– Извините, Семен Григорьевич, но вы к воинскому званию забыли добавить слово товарищ. Или вам это можно? Как начальнику?

Лушин вновь внимательно посмотрел на подчиненного:

– Ну-ну, Горшков, продолжайте в том же духе, но уверяю, на пользу вам конфронтация со мной не пойдет!

– А я не ишу пользу, личную пользу на государственной службе.

Майор вздохнул:

– Да, видимо, разговора душевного у нас с вами не получится. По крайней мере сегодня. Не в том вы, к сожалению, состоянии! Что ж, можете идти, не смею больше задерживать!

Николай поднялся:

– Пару вопросов разрешите, товарищ майор?

Лушин разрешил:

– Давайте! Смогу, отвечу!

– Первый вопрос: почему у нас забрали дела о браконьерстве людей вице-губернатора и растлении господином Комаровым несовершеннолетней гражданки Коноваленко?

Майор поинтересовался:

– Каким будет второй вопрос? Чтобы сразу ответить на оба?

– Второй – кто в области занимается данными делами?

Лушин поднялся, вышел из-за кресла, проговорил:

– Отвечаю! Дела, точнее, ваши протоколы на проверку забрали в УВД по приказу генерала Башмакова и постановлению прокурора. Это по первому вопросу. По второму ответ такой – никакого дела в обвинении Комарова и лиц, якобы занимавшихся браконьерством, не возбуждено по одной простой причине, из-за отсутствия в действиях исполняющего обязанности главы Администрации области и ниже перечисленных лиц состава преступления.

Николай ждал чего-то подобного. Усмехнулся:

– А как же со свидетельскими показаниями? С показаниями той же Коноваленко? Заключение экспертизы? Хотя о чем я спрашиваю? Ну, конечно же, Комаров не преминул воспользоваться болезнью губернатора и прикрыть свои грязные делишки. Захарченко возбуж и поплатился. Вместо него сразу же посадили вас! Вы, Семен Григорьевич, наверное, на хорошем счету у генерала Башмакова?

Новоиспеченный начальник РОВД изобразил возмущение:

– Кто дал вам право так разговаривать со мной, старшим по должности и званию?

– Совесть, господин Лушин! Обычная человеческая совесть, но вам этого не понять!

– Я не желаю больше видеть вас, Горшков! Отдыхайте в отпуске. Продолжим беседу, как выйдете на службу!

Николай ответил:

– Взаимно, майор! А насчет беседы? Побеседуем. Почему бы и нет? Но только не здесь. А, скажем, в центральном аппарате МВД?

– Вы мне угрожаете?

– Что вы? Просто начинаю сомневаться, кто из нас пил вчера, я или вы? Как я, лейтенант, могу угрожать вам, майору? Это преступление, а Горшков, спросите у любого, человек законопослушный, если законы эти служат людям, а не избранной куче навоза! До свидания!

Резко развернувшись, Николай вышел из кабинета.

Спустился в дежурку.

Канарейкин спросил:

- Ну что, Колян, как у тебя с новым?
- Полнейшее взаимопонимание!
- Серьезно?
- Зуб даю!
- Хм! А я думал... хотя... ничего я не думал! Теперь лишнее говорить – себе дороже может выйти!

Николай ткнул дежурного пальцем в грудь:

– Вот это, Саня, ты попал точно в десятку! Ныне лучше держать язык за зубами! Отсидел смену и домой, под бочок к жене. Без лишних базаров. Тогда в почете будешь. Но да ладно со службой. Лайба моя готова?

– Готова! Головка уже ждет!

Горшков вышел из здания РОВД. Тут же подъехал «УАЗ». Николай сел на переднее сиденье.

Старшина спросил:

- Сразу в деревню или еще куда заедем?
- А ты что, домой не спешишь?
- Успею! Так как?

Николай, подумав, махнул рукой:

- Давай сначала в магазин круглосуточный! Обычные еще не открылись!
- Как скажешь!

Головка повел милицейский вездеход к единственному в райцентре круглосуточно работающему магазину смешанных товаров, носящему гордое и совершенно незаслуженное название «Супермаркет», где Горшков затарился водкой, сигаретами, колбасой, вырезкой, сосисками, еще кое-какой лабудой, которая с трудом вместилась в три объемных пакета. Это не считая спиртного. Ящик «Столичной» встал в багажник отдельной тарой. Увидев покупки, а также бумажник, полный долларовыми и отечественными купюрами, Головка присвистнул:

– Ты че, Колян, свадьбу сыграть решил? Столько добра всякого набрал?

Николай, прикурив сигарету, ответил:

- А хрен его, Степа, знает! Может, и женюсь!
- Это же сколько ты бабок в супермаркете оставил?
- Какая тебе разница? Главное, свои, кровные!
- Да жалко! Что, в Семенихе своего самогона нет? И самопала качественного и дешевого?

Зачем тут тратился?

- Стоп! Отвали, а? Свои деньги жалеи! А мои считать нечего!
- Видать, где-то ты неплохо подзаработал, Коля!
- Угадал. На шабашке одной! Но все, поехали.

Горшков сел в машину. Рядом устроился Степан, продолжавший укоризненно ныть по поводу бесшабашности сослуживца. Пытаясь вывести, где же в действительности лейтенант заработал столько денег? Но не мог же Горшков сказать, что Шах в Чечне на прощанье и за выполненное задание по уничтожению кровавого полевого командира Теймураза-Костолома выделил Николаю, Ветрову и Гольдину по 15 000 баксов. Данное признание вызвало бы целое цунами вопросов старшины, и пришлось бы Николаю рассказывать Головке о всех приключениях бывших бойцов пятой роты во главе с ним, с Горшковым, в Чечне. Что в дальнейшем вызвало бы не меньшее количество всевозможных слухов. И сразу после того как Головка вернулся бы к себе домой и пересказал историю Николая жене Ларисе, которая бы вмиг все перевернула и разнесла по всему Кантарску, к Николаю возникло бы много вопросов. В том числе и у нового начальника РОВД. Поэтому Горшков благоразумно решил помалкивать, предоставив старшине мучиться догадками. Так оно спокойней будет!

В Семениху прибыли в 8.20.

Головко остановил «УАЗ» у забора усадьбы Горшковых, возле калитки. Николай выгрузил покупки прямо у забора.

На крыльце сразу же появилась Анастасия Петровна.

– Коля! Сынок! – Она обессиленно присела на скамейку, заплакав, вздрагивая укутанными в пуховый платок плечами.

Головко, видя такое дело, сказал:

– Ну, все, Коль, погнал я обратно! Сегодня уже здесь не появлюсь, завтра наведаюсь.

– Давай!

Николай подобрал сумку, вошел во двор, прошел к крыльцу, присел рядом с матерью, обняв ее.

– Ну, что ты, мама? Все же хорошо?! Как обещал, вернулся, живой и невредимый!

Анастасия Петровна положила голову на плечо сына:

– Знал бы, сколько лет отняла у меня эта проклятая неделя. Спать не могла, все снилось, в плену ты, распятым, как Христос, на кресте висишь, а бородатые, грязные мужики в халатах длинными ножами кожу на груди у тебя на ленты режут. И кровь, кровь, кровь везде! Днем как оглушенная ходила. Пошла в сельмаг, встала у прилавка, а зачем пришла, не помню. Как вообще оказалась в магазине, понять не могла. Так и пошла назад.

Николай почесал затылок:

– Мам! Ну чего ты так волновалась? Ведь вернулся же? И пойми, не мог я по-другому. Вот ты неделю сна не знала, а меня пять лет мучили кошмары. Ребят своих погибших чуть ли не каждую ночь видел, бой тот страшный. Оторванные руки, головы, сгоревшие трупы. И боевики, бандиты, валящие толпой из ущелья. Не было им конца. А я стреляю. Костя кричит. Доронин без ног, горящие на земле обломки вертолетов, боевые машины. Огненный смерч. Морды бандитов. Потом поселок Звездный, зверства в нем наемников. И вновь ими командовал проклятый Теймураз, что и роту нашу атаковал. Помнишь, как он в камеру, усмехаясь, говорил? Мочить всех вас русских, к чертовой матери, будем, если не уберетесь с Кавказа. Сначала с Кавказа, потом откуда? Вообще из России, которую они будут уничтожать, вытаптывать своими натовскими ботинками? Разве я мог не пойти на эту тварь, Костолома, ребят наших загубившего, поселок расстрелявшего? Нет, мам, не мог. Иначе не было бы мне оправдания. А кошмары так и продолжали бы, если не с большей силой, мучить меня. Сейчас, может, успокоюсь.

Анастасия Петровна, промокнув глаза, спросила:

– Поймали, что ли, этого бандита главного?

– Поймали, мам! Но мы с Ветровым и Гольдиным опоздали. Шах его накрыл! Как раз за день до нашего появления в Чечне. Так что мне толком и повоевать не пришлось. Напрасны были твои опасения.

Лейтенант лгал. Именно он сцепился с Теймуразом Башаевым в последней, кровавой схватке, и именно он убил главаря головорезов. Лично, но случайно, в пылу, отрубив ему голову. Но лгал, дабы успокоить мать. Знал, не верит, но хочет верить, а значит, поверит со временем. Главное, сын рядом, такой же, как и прежде, здоровый, немного, правда, печальный. Но это с устатку.

Анастасия Петровна проговорила:

– Так Костя тоже с тобой на Кавказ ездил?

– Конечно! И Костя, и Миша Гольдин!

– Как же Костя семью-то молодую оставил? Димку? Лену?

– Мама! Костя, как я и Гольдин, выполнял свой долг перед теми, кто poleg на высотах у Косых ворот! Иначе и быть не могло. Лена это поняла. А Димка? Он еще маленький, но уже сейчас может гордиться и отцом своим, и дедом родным! А это многое значит!

Постепенно Анастасия Петровна успокоилась.

– Ну и ладно! Главное – живой.

Николай спросил:

– А где отец? Что-то пахана не видно? Ушел, что ли, куда? Или приболел?

– Да нет, был дома!

Словно услышав то, что разговор пошел о нем, из хаты вышел Иван Степанович. Был он слегка подшофе. Увидев сына, воскликнул удивленно и радостно:

– Колька, мать твою за ногу?! Вернулся, бродяга?!

Иван Степанович повернулся к супруге:

– Настя, а я чего гутарил тебе? Наш Колька нигде не пропадет, потому как парень он геройский, отчаянный. Такие не пропадают. И своего добиваются. Землю, камень грызут, а добиваются. Весь в меня пошел! Дай-ка я, сын, обниму тебя, что ли?

Отец обнял сына, повернулся к Анастасии Петровне:

– Мать, ну чего ты хлюпаешь? Радость в доме, а ты в слезах. Давай-ка лучше стол собери, отметим возвращение нашего героического Коляна.

Горшков обратился к отцу:

– Отметить возвращение, батя, не помешает! Там за забором водка и деликатесы разные, вы готовьтесь, а мне прогуляться по деревне надо.

– Но хоть по стопарику дернем, Коль?

– По-моему, ты уже дернул, и не стопарик!

– Пустое, Коль. Стакан и проглотил всего, да и то час назад. Все уж выветрилось на хрен!

Николай согласился:

– Ладно! Выпьем! Но сначала пакеты с ящиком в дом занесем.

Покупками родители Николая, особенно отец, были довольны. А деньги, что выложил Горшков на стол, около шести тысяч рублей, изумили Ивана Степановича:

– Ни черта себе?! Где ж ты успел за неделю набить столько? Или в Чечне заплатили?

– Да какая разница? Главное, деньги «чистые», честно заработанные. И это не все, еще есть, но это на машину. Пора нам и своей собственной тачкой обзавестись.

Отец не скрывал восторга:

– Вот это я понимаю. Кормилец!

И добавил неожиданно:

– А к нам, Коля, как ты уехал, дружки твои милиционеры приезжали. На черной «Волге» к усадьбе подкатили. Старшим у них майор был. Фамилию назвал, да я забыл.

Горшков насторожился, переспросил:

– Милиционеры, говоришь? И что им надо было?

– Да кассеты, что ты за иконы положил.

– Кассеты?

– Ну да! Старшой с ходу и сказал, что ты рыбалку с Тихоном снимал, должен был передать пленку, но исчез. Я им сказал, что ты уехал. Они переглянулись, а майор к кассетам вернулся и вежливо так попросил, не мог бы я передать ему эту пленку? Ну, что, я и отдал кассеты эти! Они уехали довольные, пузырь оставили!

Николай сплюнул на траву возле крыльца:

– Так ты отдал кассеты?

– Отдал, Коля, а что?

– Да ничего! Кто тебя просил лезть не в свои дела? Ты их прятал, чтобы отдавать?

– Не надоть было?

– Эх, батя, батя! Ну кто тебя просил...

– А че, в них что-то важное было?

Колян махнул рукой:

– Теперь уже об этом говорить нечего! И ведь хотел у Тихона спрятать, но посчитал, дома надежней будет. Вот и вышло надежней! Ладно, чего теперь об этом?

Закурив, Горшков вышел из дома. Направился к Тихонку. Проходя мимо усадьбы Володи, увидел жену Карасика.

Та ухмыльнулась, поклонившись:

– С возвращением, участковый, глаза б мои тебя не видели!

Николай остановился:

– Ты чего рычишь, Нинка?

– Да ничего! Подвел мужа под монастырь? А ведь я ему говорила, не связывайся с Коляном, коварный он человек! Как змея коварный. Не послушался. Хорошо, хоть потом допер, что к чему.

– Ты это о чем, Нина?

– Ни о чем! Дураком-то не прикидывайся.

Во двор вышел Карась, спросил супругу, не глядя на улицу:

– Ты чего, сама с собой гутаришь, что ли? Крыша поехала?

– Ага, поехала! С нашим Коляном не только крыша поедет, но и все остальное!

Володин повернулся к Горшкову. Тот поздоровался:

– Привет, Мишка!

– А?! Ты? Объявился? Здорово, коль не шутишь!

Николай предложил:

– Ты бы вышел на улицу.

Карасик согласился:

– Выйду! Тем более нам есть о чем побазарить.

Супруга сказала Володину:

– Не связывайся с ним, Мишка! От него одни гадости!

Но Володин прикрикнул на благоверную:

– Пошла домой!

Нинка взвилась:

– Чего-то? С каких это пор я на своей усадьбе не хозяйка?

Но Михаил прикрикнул на жену громче и грубее:

– Послушай, ты, лахудра! Я что сказал? Или не поняла? Может, мне тебя, как овцу безмозглую, прутом в избу загнать?

Нина воскликнула:

– Дурак ты, Мишка! Истинный дурак!

Но в дом ушла. Володин вышел на улицу:

– Где был-то, участковый?

– На море отдыхал!

– Заметно! Людей подставил, сам свалил. А че говорил, когда пасли вице-губернатора? За все сам отвечу, вы лишь только в протоколе распишитесь. Расписались сдуру. А потом твои менты нагрянули! К Рудину, между прочим, тоже. Майор так прижал, думал, кранты!

Николай выбросил окурок:

– Ты понятней объясняться можешь?

– А что те непонятно? Майор посадил за стол и спрашивает: подписывал протокол? И бумагой исписанной перед мордой машет. Я в непонятке, какой протокол? Он и кинул мне лист, где ты расписал все про браконьерство Комарова. Отвечаю, подписал. А он мне знаешь что? Приговор ты, идиот, себе подписал! И тут же добавил: не хочешь на зону за дачу ложных показаний против лица государственной важности, пишешь бумагу, что это участковый тебя заставил подписаться! Не пишешь – едешь с нами!

Горшков все понял:

– И ты, конечно, накатал нужную майору бумагу.

Карасик повысил голос:

– А что мне было делать? Страдать за тебя? Да на хрена ты мне сдался опосля того, как промысла доходного лишил? Написал!

– Ясно! Что ж, с тобой все ясно! Иди, ты мне больше не нужен! Я с подонками не общаюсь! А ты, Мишаня, подлец!

Николай повернулся, сделал несколько шагов, Володин окрикнул его:

– Погодь, Колян!

Лейтенант обернулся:

– Чего тебе еще?

Карась подошел к участковому:

– Я сейчас тебе со зла наговорил. А в бумаге насчет принуждения ни словом не обмолвился. Хотя ты и лишил меня работы, но в ментовку не сдал. Написал, что ты попросил быть понятым. Ездили на опушку у переката. Видел вице-губернатора и охрану. И все! Никаких сетей, никакой проститутки.

– Короче, Комаров просто отдыхал на берегу реки?

– Да!

– Что дальше?

– Ничего! Написал, что ты, как привез к перекату, ушел куда-то и объявился под утро с протоколом!

Николай повторил:

– Ясно!

Володин взглянул на Николая:

– Все ж не чужие!

– Да, Мишаня, не чужие, но и не свои! Иди к своей Нинке! Пусть заява под диктовку на совесть твою ляжет тяжелым грузом.

– Недоволен? Ну и черт с тобой! Тоже нашлась фигура! Со своими мусорами сам воюй, а меня оставь. Я в ваших разборках не участник. И потом, я предупреждал тебя, если прижмут власти, от показаний откажусь! Так что плевать хотел на твои претензии, понял?

Николай сжал зубы, процедив:

– Пшел вон, червь навозный! Не доводи до греха!

Поняв, что Горшков представляет угрозу, Володин посчитал за лучшее быстренько скрыться в своей усадьбе. Николай плюнул ему вслед, повернулся и продолжил движение к усадьбе Тихона.

Тот, по обыкновению, ковырялся с какой-то железкой во дворе. Самое интересное и занимательное заключалось в том, что в этих железках, будь то мотоблок, насос для полива воды или просто велосипед, Тихоник совершенно не смыслил ничего. Разберет, бывало, какой механизм, осмотрит внутренности, поменяет какую-нибудь прокладку или манжету, соберет агрегат, а в итоге результата ноль. Механизм как не работал, так и не работает. Да еще куча мелких запчастей после сборки остается. Но невзирая на это, он продолжал заниматься ремонтом. Уж больно нравилось копаться другу Горшкова в разных железках.

Николай остановился у калитки, глядя, как Рудин чинит утюг. Тот настолько был занят работой, что не заметил товарища. Пришлось окликнуть:

– Бог в помощь, Тихон!

Рудин повернулся:

– Колян?! – И, отбросив утюг с инструментом, к которому сразу потерял всякий интерес, пошел навстречу другу: – И где ж ты столько времени прохлаждался? Вышел в отпуск и пропал к чертовой матери!

– В Ростов ездил, командира бывшего проведаль.

– Это того, изувеченного?

– Его самого!

– Что ж, дело нужное, я бы сказал, обязательное! Да что мы у забора стоим? Пошли в хату! Моя к родственникам ушла, посидим, как люди.

Николай прошел за Тихонком. Устроились на кухне. Рудин выставил на стол бутылку водки, нехитрую закуску, в основном собственного приготовления. Выпили по сто граммов.

Николай спросил:

– Слышал, в мое отсутствие к тебе гости из милиции заезжали?

– Карасик, что ли, успел доложить?

– Угадал.

Рудин вздохнул:

– Было дело, Колян! Как раз в четверг... или пятницу?... Да какая разница? Скажу одно, виноват я перед тобой! Никогда раньше не подводил, а на этот раз подвел!

– И чем же ты подвел меня?

– Как будто не знаешь?

– Знаю, но хочу от тебя услышать!

Тихонко объяснил:

– Где-то в полдень появился майор. С ними еще менты были, но те в машине, в «Волге» остались. Майор с ходу: проводил съемку такого-то числа, в таком-то месте, таких-то лиц? Я в отказ! Нет, не проводил. На хрена бы мне это надо было? А майор – зря ты, мол, так. И показывает новые показания Карася, где черным по белому расписаны все наши действия по вице-губернатору. Тут же спрашивает, знаю ли я, что за подобную съемку по закону положено? Я ему опять: да, камеру брал, так как в понятих был, но снять ничего не сумел, мол, батарея села. Он рассмеялся. Дурак, говорит, ты, Рудин. Впряг вас с Володиным Горшков в противоправные действия, а ты его еще защищаешь. А за скрытую съемку без соответствующего разрешения статья положена. В первую очередь, говорит, придется камеру конфисковать! Жалко технику, Коль, стало. Но не сдавался до последнего. И бумаги никакой не писал, хотя майор настаивал. Единственное сказал, что кассеты забрал ты, а браконьерство и пьянство имели место. Майор посоветовал мне об этом не распространяться, дабы не нажить неприятностей, а про субботу эту забыть напрочь. Кроме того, что был там, но ничего, связанного с браконьерством и мало-леткой, не видел. Я ему, а как же протокол? Он – считай, нет никакого протокола. Нет и не было! Я – а зачем тогда бумага Карася? Он ощерился, на всякий случай, говорит. И ушел, погрозив мне, как пацану, пальцем. Как «Волга» отъехала, я во двор. Гляжу, к тебе, к твоей усадьбе майор покати! Вот так, Колян! А что они вдруг засуетились? Ведь если будет суд, я подтверждаю то, что на реке в действительности было, и про давление майора расскажу.

Николай закурил сигарету:

– Не будет никакого суда, Тихон! Нет для возбуждения уголовного дела никаких оснований!

– Как же так? А пленка?

– Пленка! Кассеты сдуру и по доверчивости мой отец все тому же майору передал!

– Вот оно что? И как же теперь?

– Никак! Наливай по второй!

– Это без вопросов!

Рудин наполнил рюмки. Спросил:

– Что сам делать будешь?

– Запью, к ядрене фене! Не могу на этот беспредел чиновничий смотреть! Не могу. Рука к стволу так и тянется. Дали бы волю, многих к стенке поставил бы. И что за страна? Говорят об одном, думают о другом, делают третье! Народ в дерьмо превратили, в рабов. Говорят о какой-то демократии, а вокруг коррупция невиданная! Все продается и все покупается! Жизнь

человеческая копейки не стоит! Деревни вымирают! Да что там деревни, страна вымирает, а по «ящику» показывают, как у нас в России хорошо стало! Врут, суки, глазом не моргнут. И врут-то вроде внешне приличные, солидные люди. Гадом буду, Тихон, добром эта порнуха не кончится. Чую, кровь прольется! И без террористов всяких. У нас ведь как? Стоит только спичку поднести, и полыхнет. Полыхнет так, что все дотла сожжет! Вопрос, кто и когда эту спичку к высушенному реформами бестолковыми сушняку поднесет? А ведь поднесут, Тихон! Поднесут! И тогда мало никому не покажется. Европе с Азией и Америкой в том числе. Так какого хрена власти наши будто повязки на глаза надели? Чтобы не видеть дел рук своих. А ворованные деньги в кармане можно легко на ощупь пересчитать. Они у чиновников в одной валюте и в одних купюрах! Так что забухаю, Тихон, чтобы позора этого не видеть хоть неделю!

Рудин проговорил:

– Но трезветь все одно придется? А похмелье оно пострашнее пьянки будет!

– Да знаю! Но не могу больше. Устал. Морально!

– Ты это, Коль, брось! Займись лучше чем-нибудь другим!

– Чем, Тихон?

– Ну, рыбалкой, что ли! Да мало ли чем? – И тут Тихон что-то вспомнил, улыбнулся: – Знаю, чем, Колян! И думаю, это занятие тебе по душе придется!

– О чем ты?

– Фельдшерицу к нам в деревню новую прислали, Матрена на пенсию ушла, вот ее и заменили. Девка с Кантарска, после медучилища. Справная. Симпатичная. На нее уже положил кое-кто глаз, знаешь, в деревне без этого не обойтись, но кто тебе в Семенихе может составить конкуренцию? Никто! Если возьмешься за фельдшерицу, все ухажеры в момент отвалят. И она знает о тебе, потому как прославился не только на район, а на всю страну! Тебе ж семьей обзаводиться надо? Надо! Когда еще такой случай представится?

Колян сказал:

– Посмотреть на девочку можно, отчего нет. Как ее зовут?

– Надеждой. Надеждой Павловной Курикиной!

– Постой! Уж не дочь ли она главврача райбольницы?

– Племянница, насколько знаю!

– Что ж ее дядюшка при себе не оставил?

– Народ гутарит, сама сюда напросилась, хотя могла в районе остаться! Слушай, Колян, а не из-за тебя ли эта Надежда Павловна прибыла?

– Не говори глупости!

– Почему глупости? Совсем не глупости. А вполне возможный расклад! Ты знаменитость, мужик настоящий, стоящий, не бабник. Так почему бы ей не попытаться закружить с тобой? По-хорошему, по-серьезному, я имею в виду?

Колян проговорил:

– Тогда если принять твой вариант, то фельдшерица девочка расчетливая. А я расчетливых не уважаю! Я...

Тихон не дал договорить другу:

– Короче, Колян, надо тебе заглянуть в медпункт! Сегодня уже не стоит, а вот завтра? Надо! Хочешь, с тобой пойду?

Горшков отмахнулся:

– Ладно! Разберемся! Ты давай, наливай лучше!

После третьей рюмки Горшков отправился домой, прикидывая предложение Тихонка насчет нового фельдшера и находя это предложение не таким уж и плохим. Но это, может, сейчас, когда в голове шумел хмель, а завтра он отметет этот вариант друга? Но сходить в медпункт, по любому, не помешает. Посмотреть, что ж собой представляет Надежда Павловна

Курикина. Ему, как участковому, невзирая на отпуск, положено знакомиться с новыми людьми на вверенном участке.

Эту ночь Колян спал спокойно, без сновидений, может, оттого, что освободился от чувства вины перед своими погибшими однополчанами, может, от действия спиртного. Поднялся позже обычного, без пятнадцати девять. Умылся, побрился, от завтрака, предложенного матерью, отказался, не было аппетита. Вспомнил о разговоре с Тихонком, касающемся новой фельдшерицы. Подумал отбросить мысль о посещении медицинского пункта, но затем решение изменил. Не без помощи старшины Головки, подъехавшего к дому Горшковых.

Увидев свой «УАЗ», Николай вышел на улицу:

– Привет, Степан!

– Здорово, Коля! Вот лайбу твою пригнал, надеюсь, сможешь добраться обратно в Кантарск попуткой?

– Помогу, какой разговор, но ты и дальше мог бы использовать «УАЗ», ведь на тебе сейчас Семениха!

– Так-то оно так, но ты же никуда не собираешься больше уезжать? Канар хватило, поди. Горшков рассмеялся:

– Ну, теперь по всему отделу Канарейкин разнесет, как я его разыграл.

– Уже разносит!

– Нет, Степа, больше я никуда отсюда не поеду. По крайней мере, не планирую!

– Вот и посмотришь заодно за порядком. А я сюда наведываться буду. С каким-нибудь нарядом, для вида. Мне надо дом тещи подремонтировать, заела вконец со своими столетними хоромами, а отпуск – зимой! Но это если ты не против.

– Мне-то чего против быть? Занимайся домом, а за порядком я посмотрю, все равно делать нечего!

– Тогда поехали в участок? Передам тебе документы, ключи, чтоб опосля не мудохаться?

– Поехали!

Лейтенант и старшина подошли к машине. Из дома вышел Иван Степанович. Позвал:

– Колян! Может, на реку сходим? Устроимся в балочке, рыбалкой побалуемся, выпьем, за жизнь погутаим?

– Не получится, отец! У меня дела по службе.

– Так ты же в отпуске?

Пришлось солгать, иначе отец не отстал бы.

– Отозвали, бать!

– А?! Вот тоже начальники. Раз в год человеку нормально отдохнуть не дадут. Ну ладно, что ж поделаешь, раз отозвали, служи!

Николай уселся на сиденье и кивнул Головке:

– Поехали, Степа!

А езды-то, объехать церковь! Остановились под навесом. Прошли в сельскую Администрацию, в кабинет участкового. Войдя в комнату, Николай сразу определил, в ней кто-то и что-то искал.

Повернулся к Головке:

– Это ты, Степа, решил разложить документы по-своему?

Старшина удивленно ответил:

– Нет! Да я здесь почти и не бывал. Заходил только в первый день. Пепельницу вытряхнул, и все, а что, что-то не так?

– Ладно! Ничего особенного.

Старшина положил на стол ключи от кабинета, КПЗ и машины:

– Это все, Коля. Протоколов не составлял, в журнале записей не вел, не о чем было.

– Понятно!

Головко напомнил:

– Так обратно в Кантарск отправишь? Мне чем раньше, тем лучше. Только прошу, если начальство звонить будет и спросит, куда это я пропал, скажи, что мотаюсь по околицам, лады?

– Лады, Степа! А попутку? Пойдем, найду я тебе тачку.

Закрыв кабинет, Горшков с Головко прошли по коридору до вахты. Здесь Николай сказал сослуживцу:

– Ты иди на улицу, покури, а я с местной властью поговорю!

Старшина пошел на выход, Николай к вахтеру, бессменному деду Потапу:

– Привет, старый, мэр наш на месте?

– На месте! Он же и сэр и хер, как говорил генерал о начальстве при путче. То ли Лукашов, то ли Балашов!

Николай напомнил:

– Макашов!

– Точно, Макашов! Такой бравый вояка. Среди тех, кто против Борьки пошел, когда их из Белого дома выводили, он один орлом держался, остальные так, как курицы мокрые. А на что тебе Коганов?

– Не знаешь, его машина на ходу?

– На ходу. Водила Санька куда-то недавно отъехал, как Женьку привез, а что?

– Ничего. Спасибо за информацию.

Дед хитро прищурился:

– Ее, эту информацию, на хлеб не намажешь!

– Ты на что, старый, намекаешь?

– Да видел я, как ты вчера из воронка своего ящик казенной вытаскивал. Мог бы сторожу по старой памяти и накатить стаканчик!

– Глазастый ты у нас, однако ж?

– Чего надо, не пропушу!

– Тогда сдай кому-нибудь на время свой пост и дуй к отцу, с ним приложитесь. Передашь, я сказал!

Глаза деда Потапа заблестели:

– Вот это другой разговор. Спасибо, Колян, ты настоящий мужик. А вахта? Она и без меня обойдется, как я без нее.

Сторож вышел из дежурки и трусцой засеменил в обход церкви.

Николай, усмехнувшись, прошел к приемной главы сельской Администрации. Секретаря по штату местному чиновнику положено не было, так что приемная являла собой обычную пустую комнату. Горшков открыл дверь кабинета Коганова:

– Разрешите, Евгений Анатольевич?

Глава разрешил:

– А?! Участковый,ходи! Какие проблемы привели ко мне?

– Пустячные. Хотел узнать, вы в район не собираетесь?

Горшков знал, что Коганов каждый день ездит в Кантарск. К супруге.

Чиновник ответил:

– Собираюсь, вот Сашок, водитель, харчей из дома возьмет, подьедет, так и отправлюсь. А что, подбросить, что ли, кого?

– Так точно. Сослуживца. Старшину райотдела.

– Ну, какие проблемы, Коля? Подбросим. А ты в отпуске или уже отгулял свое?

– Официально в отпуске, фактически при исполнении! Находясь в деревне, мимо нарушения какого все одно не пройти, невзирая на отпуск? Не пройти! Так что считайте, на службе я!

– Ясно! А вон, кажется, и Сашок подьехал!

С улицы слышался звук работающего двигателя «Волги». Глава Администрации поднялся, взял со стола кейс.

Вышли в коридор. Потом на улицу.

Горшков подозвал Головки, и через минуту «Волга» сельской Администрации поехала в сторону паромной переправы.

Николай закурил, посмотрел на стоящий рядом, за навесом, дом, без ограды, палисадника, огорода. На доме красовалась пожухлая от времени доска с большими красными, выцветшими буквами. На доске было написано: «Семенихинский сельский медицинский пункт».

Дверь широкого крыльца была открыта. Значит, новый фельдшер на месте. Что тут же подтвердилось. По ступенькам медпункта спустилась хрупкая девушка в кожаной курточке, наброшенной поверх короткого, открывающего стройные ноги белоснежного халатика. Была она без платка или шапочки. Николай отметил ее густые, темные, уложенные на затылке волосы и... очень симпатичное, миниатюрное лицо. Девушка несла в руках коврик. Отойдя от дома, вытряхнула его и, поежившись, вбежала обратно в здание.

Николай подумал: «А она ничего, эта Надежда Павловна Курикина. Маловата по сравнению с другими деревенскими бабами, но... ничего». Такие Горшкову нравились.

Выкурив сигарету, увидел идущего от деревни деда Потапа, на физиономии которого блуждала довольная хмельная улыбка. Дождался сторожа, спросил:

– Порядок?

– Полнейший, Колян! Батяня твой не только угостил водочкой, но и с собой чекушку отлил. Тапереча служба пойдет веселее. Сам-то уехал или здесь еще?

– Уехал!

– Заметил, что меня на месте нету?

– А ты как думаешь?

Старик сплюнул на землю:

– Тьфу, знамо дело, заметил! Все замечает.

Николай успокоил сторожа:

– И то, что ты пьешь в рабочее время?

Дед Потап улыбнулся:

– Не-е! Вот тут он слабак. Носопырка у него ни хрена запах не берет. Не то что перегара, а даже одеколона. И где нюх потерял, неведомо. Наверное, опосля болезни какой! Нет, если в дугу буду, то, знамо, заметит, а по запаху не определит. Спасибо тебе, Колян, и отцу твоему. Уважаю я семью вашу, ужас как. Да и есть за что. Достойные люди, не то что шелупень навроде Дятла Митяни с его бешеной семейкой!

Николай прервал речь старика, понимая, что затянуться она может до вечера. Любил дед Потап поговорить.

– Ты вот что, старик, иди-ка лучше в свою дежурку. Выпей еще, газетку почитай, а мне идти надо.

– И то верно! А далече направился, если не секрет?

– В медпункт!

Физиономия деда Потапа вновь расплылась в улыбке:

– К новой фельдшерице? Ясно! Одобряю! Девка она, видать, правил строгих!

– Тебе это откуда известно?

– А я, Колян, за жизнь свою долгую научился в людях-то разбираться. Да! Так что чую, фельдшерица девка путевая. Только ты поторопись, а то какой другой хахаль место возле ее застолбит. Хотя, следует признать, тебе в Семенихе альтернативы нет.

– Надо ж, слов каких набрался?

– А то? Газеты, они многому учат. Брешут, конечно, больше, но все же учат. Надо только уметь разделять, где брехня, а где правда.

– Ты разделяешь?

– Ясный перец!

– Ну, иди, тани службу, перец!

Проводив деда Потапа в Администрацию, Николай, прилизав волосы, слегка взъерошенные ветром, направился к медпункту.

Глава четвертая

Северный Кавказ. Перевал Варух. Вторник

Первым, как и положено, из-за правого хребта перевала появился БТР. Бойцы с брони внимательно следили за склонами и вершиной перевала. За бронетранспортером выехали «КамАЗы».

Тут же на каменную гряду с крайней гранатометной позиции боевиков прошел доклад:

– Донор, я Точка-1. Русские выходят на ровную часть серпантина!

Мурза ответил:

– Вижу! Продолжать наблюдение, себя не обнаруживая и ничего не предпринимая.

– Понял, Мурза!

Смотря на вытянувшуюся вниз колонну, Башаев прикусил губу. Какая доступная цель! Стоит отдать приказ, и дорога превратится в огненный ад. Но ему запретили отдавать подобный приказ. Русские приготовились отбить нападение. Нет, не эти обреченные внизу. Этим не выдержать штурма. А другие, более мощные силы. Способные раздавить Мурзу так же легко, как он в состоянии раздавить колонну. Но почему все же федералы приняли повышенные меры предосторожности? Ранее такого не было. Или и в свите Шамиля, как среди русских, тоже завелся Крот? Черт его знает. А жаль пропускать колонну. На ней можно было неплохо заработать! Он, Башаев, все равно уничтожит русских, но это уже будет не то. Далеко не то! И кто знает, не прицепят ли они на обратном пути к себе еще пару единиц боевой техники? Хотя что гадать? Ему приказали ждать, и он будет ждать, пока не получит наконец приказа на штурм.

Раздался сигнал вызова рации малого радиуса действия. Мурзу мог вызывать только Капрал, но зачем он это делает, вдруг у колонны аппаратура пеленгации и перехвата незащищенных каналов связи имеется? К чему рискует чех? Так уж необходим ему сеанс связи именно сейчас, когда колонна русских рядом? Но ответил:

– Да?

– Как настроение, Мурза?

– Ты отдаешь себе отчет, что рискуешь, выходя в эфир?

– Да ладно тебе! На машинах федералов ни одной специальной антенны. Тебе это должно быть лучше видно!

– Мне это видно! Что хотел?

– Слушай, а может, рубанем по русским? Уж больно цели привлекательные. А уйти, уйдем. Ведь нам на колонну эту потребуется не более десяти минут.

Башаев приказал:

– Отставить разговор, Капрал! Выполнять приказ!

Наемник ответил четко, по-военному:

– Есть, мой командир!

Мурза, перед тем как отключиться, добавил:

– Поговорим, как поднимешься ко мне после прохода русских.

Связь прервалась. Башаев взглянул вниз. Колонна уходила за левый поворот, покидая сектор запланированного боевиками штурма. Проводив взглядом последнюю машину – топливозаправщик, главарь банды достал из наружного кармана длинную папиросу с анашой из отборной индийской конопли. Прикурил, жадно вдыхая дым наркотика вместе с воздухом. Настроение улучшилось. Появился Капрал, усмехнулся:

– Кайфуешь, Мурза?

– Тоже хочешь?

Наемник отказался:

– Обойдусь без вашей дури. Своей хватает!

– Как хочешь!

– Скажи лучше, Мурза, как думаешь, почему сегодня русские решили страховать колонну? Ведь, по сути, они не ее спасали. А имели цель наказать тех, кто мог напасть на нее. Это не в привычках и не в традициях русаков. Для них, по крайней мере до сих пор, главное было в том, чтобы сохранить жизни своих солдат, а не покарать тех, кто их убьет. Непонятные движения они произвели, не находишь?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего! Я жду ответа от тебя!

– У меня его нет. Он есть у Шамиля! Тебя соединить с ним?

Наемник усмехнулся:

– Нет, спасибо, брат! Как-нибудь в другой раз. Но если обратно пойдет порожняя колонна, то за ее уничтожение я буду требовать вознаграждение, как за полное подразделение, груженое, имею в виду!

Башаев махнул рукой:

– Требуй, Капрал. Что хочешь, за что хочешь и сколько хочешь!

– Конечно! Обкуритесь анаши и витеаете в облаках, все вам до одного места!

Мурза повысил голос:

– Не забывайся, Ранек! Ты служишь Шамилю и мне! И не тебе судить, что мы делаем!

– Тогда чего вызывал наверх? Для подобного разговора? Он мне не нужен. Лучше я остался бы внизу. Там уютней, чем здесь среди камней!

– Ты нужен мне здесь, а значит, будешь здесь! Попытайся проанализировать маневры русских, я хочу знать твое мнение.

– А не проще запросить Крота на базе? У него наверняка больше информации, чем у меня!

Башаев повторил:

– У тебя час на анализ обстановки, затем доклад, не теряй время!

Наемник покачал головой. Спорить с Мурзой бесполезно. Упертый, как баран, Донор мало чем отличался от других диких чеченцев, ставших из чабанов полевыми командирами, присвоив чуть ли не поголовно себе звание бригадных генералов. Где это видано, чтобы в подчинении генерала было 20—30 головорезов? Это же взвод, а взводами командуют лейтенанты. Но черт с ним. Нужен Мурзе анализ, будет анализ, а уж то, что он ни хрена не поймет в нем, его вина. Но он этого ни за что не покажет. Изобразит великого стратега. Впрочем, с Донором еще можно служить. С другими хуже! Так что не стоит раздражать Башаева. Кайфует от дури, пусть кайфует.

Колонна проходила прямой участок осторожно, насколько это было возможно. Особую нагрузку несли бойцы боевого охранения старшего лейтенанта Кливина. Его солдаты до потемнения в глазах всматривались в склоны, но ничего подозрительного не замечали. Лишь рядовой Олег Белов смотрел в сторону обрыва. И смотрел через оптику своей снайперской винтовки СВДС. Он видел лишь верхушки деревьев, так как склон на этом участке был хоть и не пропастью, как до поворота, но все же крут. Однако противник мог занять позиции и на кронах деревьев. Поэтому молодой солдат не переставал водить винтовку из стороны в сторону, иногда задевая стволом своего соседа – одногодку гранатометчика Илью Хамова.

Тому подобные движения сослуживца надоели, и он толкнул Белова в бок:

– Белый! Да опусти ты свою дуру, ну чего мотаешь ею?

Стрелок ответил:

– Ты делаешь свое дело, я свое!

– Тогда, блин, аккуратней, а то надоело уклоняться от ствола.

Белов резонно заметил:

– Отодвинься!

Хамов воскликнул:

– Куда? Итак на краю держусь!

Бронетранспортер в одном месте подошел к самому обрыву, слева лежал огромный валун, пришлось объезжать его. И тут, когда перед Беловым на короткое время открылся склон, он в прицеле увидел, что как будто тень мелькнула в кустах, ниже обочины метров на двадцать. Стрелок до предела напряг зрение. Куст шевельнулся, и это отчетливо увидел боец. Но какая-то тень и шевеление кустов еще не повод поднимать тревогу. На склоне мог затаиться какой-нибудь зверек. Их здесь не пуганных в спокойных горах хватало. И лис, и зайцев, и волков, не говоря уже о шакалах. Последние, правда, проявляли себя с заходом солнца. Белов продолжал вглядываться в кусты. И уже хотел отвести прицел влево, как заметил человеческую голову. От неожиданности вздрогнул. Уж не привиделось ли ему от напряжения? Солдат на секунду закрыл глаза, а когда открыл их, головы в кустах не было. Стрелок встряхнулся.

Хамов спросил:

– Ты чего башкой, как контуженый, трясешь?

– Ничего!

Сослуживец, усмехнувшись, посоветовал:

– Больше в прицел гляди и вместо дерева минут через двадцать точно духа увидишь! И чего ты к окуляру прилип? И так все хорошо видно. Тем более опасный участок кончается, скоро поворот. За ним пойдем на спуск, станет веселее!

Белов согласился:

– Ты прав, Илья! Слишком я увлекся наблюдением.

– Вот именно!

Олег поставил винтовку прикладом на броню, задрал длинный ствол вверх, и задумался. А померещилось ли ему? Не боевики ли были в кустах? Попытался отогнать эту мысль. Ведь если на склоне прятались бандиты, то они обстреляли бы колонну. И почему прятались бандиты там, откуда наименее удобно атаковать колонну? Бред какой-то. Видимо, он действительно слишком долго пользовался прицелом, а он не бинокль. Он предназначен для прицельной стрельбы, а не длительного наблюдения за сложной местностью!

До пункта назначения колонна дошла благополучно. Выгрузив автомобили, капитан Головачев, приказав прапорщику Шуруну организовать обед и отдых личного состава, направился на доклад к командиру части, которой и предназначался груз. Тот вылетел утром в округ, оставив за себя начальника штаба. Пришлось докладывать заместителю, молодому майору Михайлову с колодками двух орденов Мужества. Человеку молодому, но строгому, прошедшему пекло войны и в полной мере испытавшему все ее «прелести». Михайлов внимательно выслушал доклад. Спросил:

– Ничего подозрительного на серпантине в ходе марша не заметили?

– Нет, товарищ майор!

– С охранением связь держали постоянно?

– Так точно! Как обычно!

Майор задумчиво проговорил:

– Как обычно!

Головачев поинтересовался:

– А что, товарищ майор, на перевале не все так спокойно, как кажется?

– Как тебе сказать, капитан. Воздушная разведка вчера доложила, что видела нечто похожее на выдвижение к перевалу неизвестного отряда. Я проверил, наши в том районе никаких мероприятий не проводили, да все наши – это, по сути, ваш гарнизон. Запросил повторную разведку. Она ничего не дала.

– Так, значит, все спокойно! Иначе колонна вряд ли свободно прошла бы серпантин.

Майор оставался задумчивым, сосредоточенным:

– Возможно! Но... возможно и другое. Вы же запросили усиления поддержки в случае необходимости?

– Так точно, запросил!

– Почему? Что явилось тому причиной?

Головачев пожал плечами:

– А черт его знает, майор. Какое-то предчувствие нехорошего!

– Вот-вот, предчувствие. Кто-то скажет, что ерунда все это, а я на собственном опыте испытал, как иногда такие вот ощущения тревожные в дальнейшем оправдываются. И потом, результаты первой разведки не дают покоя!

Головачев спросил:

– Но с другой стороны, если на перевале имела место засада, почему не был предпринят штурм колонны?

– В этом-то и вопрос! Хотя ответ на него найти в принципе легко, прибегнув к карте, смотрите! – Майор разложил на столе точно такую же, как и у Головачева, карту, повторив: – Смотри, капитан! Вот два опасных участка. Никто не может помешать боевикам расстрелять колонну на прямом участке дороги со склонов перевала, заминировав противоположную обочину. Но если и войска и «вертушки» будут переведены в готовность «военная опасность» и смогут начать действовать по первому же сигналу и без предварительной подготовки, боевикам с перевала до «зеленки», а другого пути отхода у них просто нет, никак не успеть дойти!

Капитан взглянул на начальника штаба:

– Что вы хотите сказать, майор?

– Ничего, капитан! Я на этой войне видел столько крови, что тебе и не снилось. Поэтому привык просчитывать любой вариант, связанный с вероятностью активизации боевиков там, где либо дислоцируются наши войска, либо, как вы, совершают марш. Но ладно, возможно, я и драматизирую ситуацию. Перейдем к делу! До 15.00 бойцам обед и отдых. Затем возвращение на базу.

Головачев спросил:

– Порожняком пойдем?

Майор ответил:

– Мне вас грузить нечем! Но, возможно, соседняя танковая часть что-нибудь вам подбросит. Я сообщу о прибытии колонны, танкисты скажут, есть ли у них груз на базу. Все решится до 14.00. А сейчас отдыхать. Если обойдется без погрузки, то тебя поднимут в три часа, если не обойдется, то в два. В любом случае восстановиться успеешь.

– Да я и не устал особо!

– Тем лучше! Иди, путевую и сопроводительную документацию заместитель по вооружению отметит и оформит, как положено.

Головачев вышел из штаба, направился к бараку, где после обеда должен был разместиться на отдых подчиненный ему личный состав.

Подходя к курилке, услышал разговор двух бойцов отделения охраны. Капитан узнал их по голосам. Рядовые Белов и Хамов. Они спорили.

Белов доказывал однокласснику:

– Да говорю тебе, был кто-то в кустах, сейчас уверен, что был!

Хамов усмехнулся:

– Но кто там мог быть? Если только архар какой?

– Ага, архар, двуногий. Я голову человеческую видел, понял?

– Так почему старлею не доложил?

– Почему, почему! Потому, что тогда засомневался!

– А сейчас не сомневаешься?

– Почти нет!

– Так почти или не сомневаешься?

– Ну чего пристал? Был там кто-то. И не зверь, а человек. А уж кто, не знаю. И до этого кусты шевелились, тень какая-то мелькнула.

Хамов сказал:

– Говорил тебе, меньше в прицел пялся, никаких глюков не поймает! Просто, Олег, струсил ты, а у страха глаза велики!

Капитан, заинтересовавшись разговором солдат, подошел к курилке. Рядовые при появлении Головачева встали и приняли стойку «смирно».

Офицер разрешил бойцам присесть, угостил каждого сигаретой, спросил:

– О чем ведете спор, пехота? А ну-ка подробнее о том, что видел на марше.

Белов повторил то, чем ранее поделился с Хамовым.

Капитан спросил:

– Как же ты мог что-то увидеть, когда с дороги правый склон практически не виден?

Белов объяснил:

– Так помните, на серпантине место есть, где слева валун лежит и машинам приходится идти вплотную к обочине, объезжая его? Вот там я и заметил непонятные движения. Сначала думал, зверь какой, а потом голову человеческую увидел. Правда, засомневался тоже и закрыл глаза, а когда открыл, то головы никакой и не было.

– Так говоришь, увидел при объезде валуна? – Головачев задумался. – А ну идем со мной, Белов!

И, повернувшись, направился обратно в штаб.

Михайлов находился на месте и удивился возвращению начальника колонны, да еще с солдатом:

– Что-то случилось, капитан?

Алексей ответил:

– Не знаю. Но думаю, вам не мешает послушать рядового Белова из отделения охраны.

Майор кивнул:

– Что ж, давайте послушаем бойца. Докладывай, Белов!

Стрелок повторил то, что видел на марше. Его доклад заинтересовал начальника штаба.

Он подвел солдата к столу:

– Ориентируешься по карте?

– Более-менее! Проходили топографию.

– Вот и хорошо. Смотри. Здесь начало прямого участка серпантина, – майор ткнул пальцем в карту, – а вот здесь его окончание. Где лежит валун?

Белов, недолго думая, указал на точку:

– Где-то вот здесь! Напротив валуна, на склоне, высоченная сосна растет. Ее крона выше остальных деревьев.

Майор перевел взгляд на капитана. Тот кивнул, подтвердив:

– Есть такие. И сосна, и валун, и боец точно указал место, где колонна практически вплотную подходит к обрыву. Здесь мы идем осторожно, на малой скорости.

Майор потер подбородок.

– Ладно! Информацию принял. Идите, занимайтесь по установленному распорядку, а я... впрочем, об этом позже.

Проводив офицера-автомобилиста и солдата-мотострелка, начальник штаба вызвал по телефону внутренней связи дежурного по части и приказал срочно найти командира разведывательной роты.

Головачев же с Беловым прошли к бараку, отведенному для отдыха личного состава колонны и ее боевого охранения, умылись и отправились в столовую. После приема пищи, уложив солдат спать, к капитану подошел старший лейтенант Кливин, спросил:

– Чего ты, Леха, моего стрелка в штаб части таскал?

Головачев объяснился. Старлей тоже задумался. Но затем покачал головой:

– По-моему, все же Белову привиделись эти тени, шевеления кустов, черепа. Хамов прав, попробуй постоянно в прицел смотреть, деревья духами покажутся. И потом, если допустить то, что Белов видел людей, боевиков, непонятно откуда появившихся в нашем районе, то почему они пропустили колонну? Но даже не это главное. Почему они расположились ниже серпантина, откуда произвести эффективное нападение на нас было невозможно?

Капитан посмотрел на офицера мотострелкового батальона:

– А ты уверен, что и на хребте не было духов?

– Но тогда ответь, почему они пропустили колонну?

– Возможно, их предупредили о том, что на базе и на территории вертолетного полка проводятся меры поддержки колонны в случае нападения на нее.

– Погоди, погоди, но тогда выходит, духи имеют осведомителя на базе? И тот спецом вывел их на нас, впоследствии предупредив и о принимаемых в части мерах дополнительного прикрытия колонны?

Капитан ответил:

– Выходит, так!

Старший лейтенант воскликнул:

– Чушь какая-то! Не верю я в это. Считаю, ты слишком перестраховываешься. Боец увидел на склоне в короткий промежуток времени не ясно что, и сразу вывод – на колонну готовилось нападение! Если оно готовилось, то боевики провели бы штурм, прекрасно понимая, точнее, зная, если принять вариант работы на базе Крота, что все дополнительные меры носят вторичный характер и непосредственно защитить нас от нападения не могут. Так что им, бандита, мешало расстрелять подразделение и свалить с этого хребта?

– А то, Игорек, что навязать нам бой духи смогли бы, возможно, уничтожить колонну тоже, но вот сами отойти никак не успели бы. Здесь как раз и сработала бы поддержка. И наземная, и воздушная. Нам, конечно, от этого уже было бы ни горячо, ни холодно, но и их бы постреляли всех, как шакалов.

– Да? Что ж, логика в твоих словах присутствует. Но все же извини, Леша, я остаюсь при своем мнении, ты мудришь! Это бывает. Но пройдет. И меньше думай о всяких засадах, чтобы крышу не снесло. На войне такое часто происходит. Лучше махни спиртику и поспи пару часов до подъема. У меня пойло есть. Тяпнем граммов по сто?

Капитан отказался:

– Нет! Не сейчас, Игорь! Вернемся на базу, тогда...

– Э, э, Леха, тогда мне не до поила будет! Я сразу к Валентине!

Начальник боевого охранения скрылся в бараке. Вскоре туда проследовал и Головачев.

Прилег, не раздеваясь, на крайнюю от тумбочки дневальной кровать. И неожиданно тут же уснул, что бывало с ним редко. Обычно днем он не спал, даже после бессонной ночи в наряде. А тут вдруг сморило. Что ж. И такое бывает.

Разбудил его посыльный по части в 14.00.

– Товарищ капитан, вас вызывает майор Михайлов.

Головачев подумал, значит, все-таки повезем обратно груз. Лучше порожняком, и быстрее, и без погрузки-разгрузки. Но ничего не поделаешь, приказы не обсуждаются. Но оказалось, начальник штаба вызвал автомобилиста по другой причине. Как только капитан вошел, майор спросил:

– Отдохнул немного?

– Отдохнул. Личный состав поднимать? Как понимаю, предстоит погрузка?

Но майор ответил:

– Не торопись. Никакой погрузки не будет.

Головачев удивился:

– Тогда в чем причина раннего, на час, подъема?

– Сейчас объясню, минуту! – Он снял трубку внутреннего телефона: – Попов? Разведку ко мне!

Положил трубку, посмотрел на начальника колонны:

– А ведь прав оказался твой Белов!

– Не мой, отделения охраны!

– Тем не менее колонну на серпантине ждала засада, и только дополнительные страховочные меры не позволили им распотрошить твоё подразделение!

Капитан не без удивления взглянул на майора:

– Seriously?

– Seriously не бывает! У меня в районе ущелья, куда ведет склон от дороги, ребята-разведчики проводили кое-какие мероприятия, так я решил проверить слова солдата охранения. Но об этом подробнее расскажет командир разведывательной роты. А вот, кстати, и он!

На пороге возник крепыш-капитан в камуфлированной форме:

– Разрешите, товарищ майор?

– Входи, Юра, входи! Познакомься, – майор указал на Алексея, – начальник колонны, капитан Головачев.

Разведчик представился:

– Капитан Солодов.

Офицеры пожали руки.

Начальник штаба предложил всем присесть. Затем обратился к командиру разведывательной роты:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.